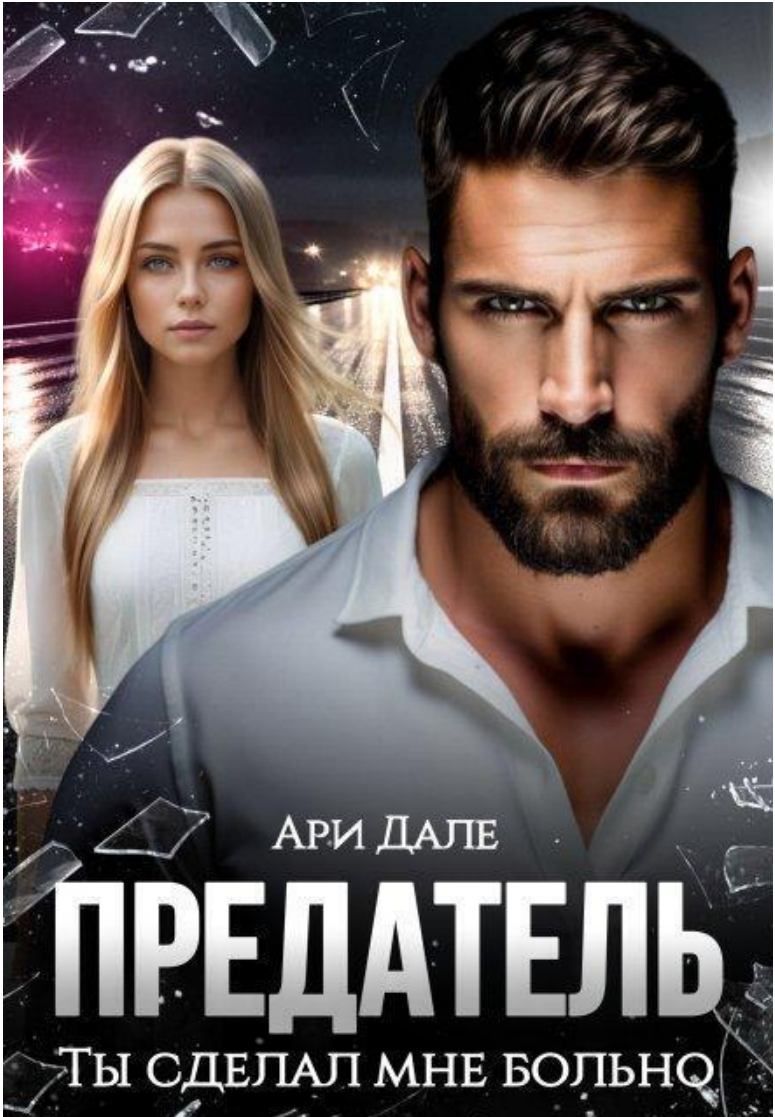

Ари Дале
ПРЕДАТЕЛЬ
Ты сделал мне больно

Ари Дале

Предатель. Ты сделал мне больно

https://litres.ru/74791119

Аннотация

— Уля? — муж, всего секунду назад лежащий рядом с любовницей на моих любимых простынях, встает. — Какого черта ты здесь?! — даже не пытается прикрыться. Каждую клеточку моего тела словно пронзает тонкими острыми иглами. — Как ты мог? — начинаю отступать, но наполненного болью предательства взгляда от мужа не отвожу. — Стоять! — рявкает Марат. — Ты же мудрая женщина, и собираешься убегать от проблем? — Я не убегаю от проблем, — слезы застилают взор, скатываются по щекам. Резко стираю их. — Я ухожу, — вздергиваю подбородок, — от тебя!

!#Внимание: Ругать героев можно. Автора нельзя)))

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Визуал героев	16
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	54
Глава 10	59
Глава 11	64
Глава 12	69
Глава 13	74
Глава 14	79
Глава 15	84
Глава 16	89
Глава 17	94
Глава 18	98
Глава 19	102
Глава 20	107
Глава 21	112
Глава 22	117

Глава 23 122
Конец ознакомительного фрагмента. 123

Глава 1

Незнакомая темноволосая девушка лежит на моей кровати… в объятиях моего мужа. Они оба обнажены.

Моя любимая белая из японского шелка простынь, которую Марат подарил мне на нашу девятую годовщину свадьбы, и которую я только сегодня постелила, смята под ними. Одеяло валяется на полу возле кровати, подушек нигде не видно, зато одежда разбросана повсюду.

Тяжелое дыхание разрывает тишину спальни и кажется совсем неуместным в ней, когда на улице день. Ведь обычно Марат в это время на работе. Да и меня тоже не должно быть здесь. Но день с утра не заладился — душа была не на месте.

Сначала я чуть не попала в аварию, когда ехала на работу. Хорошо хоть, успела вовремя затормозить, едва не въехав в машину впереди. Потом одной из моих пациенток стало хуже. Анализы тоже не показали ничего хорошего. Хотя мы уже шли к ремиссии. Крайней точкой неудач стал кофе, который я случайно пролила на себя в обед. Запасной костюм тоже оказался в стирке, поэтому я и решила съездить домой, где в шкафу лежат несколько отглаженных комплектов. Дорога туда и обратно должна была занять не больше часа, даже в дождь, который стеной стоит на улице, а коллега обещал меня прикрыть.

Вот только я никак не ожидала, что черная полоса лишь

набирает свои обороты, и я застану мужа с любовницей в нашей постели. Никак не ожидала, что мое сердце словно по щелчку пальца разобьется вдребезги.

— Ты же понимаешь, что если твоя жена узнает, она с тобой разведется? — усмехается девушка, тяжело дыша.

— Не узнает, — чеканит муж, вынимая руку из-под шеи любовницы, садится, трет лицо.

— Повезет, если так, а то это была бы еще та ирония — самый известный адвокат по разводам в городе разводится, — хмыкает девушка, тоже садится. Вот только в отличие от мужа смотрит не перед собой, а поворачивает голову в сторону и… натыкается взглядом на меня. Сначала ее глаза округляются, но не проходит секунды, как на лице девушки растягивается довольная, хищная ухмылка. — Похоже, твоя жена уже знает, — шепчет, проходясь кончиками пальцев по плечу Марата.

Тот на секунду застывает, после чего резко оборачивается ко мне.

Его лицо вытягивается, но уже через мгновение Марат берет себя в руки, возвращая ему жесткое, нечитаемое выражение.

— Уля? — никаких признаков испытанного удивления в его голосе не улавливается. — Какого черта ты здесь?! — муж поднимается с кровати, представая передо мной «во всей красе».

Где-то на краю залитого шоком мозга неосознанно отме-

чаю, что Марат действительно шикарен: подтянутое тело, черные глаза, волевые черты лица, аккуратная щетина, темные волосы. Есть на что посмотреть.

У девушки за его спиной тоже черные волосы, которые доходят до плеч. А вот глаза серые, наполненные ехидством, скулы острые, и слишком яркий, на мой взгляд, макияж. Вдобавок, она, похоже, даже не думает о том, чтобы прикрыться.

Как, впрочем, и мой муж, который прожигает меня ястребиным, пронизывающим насквозь взглядом.

Вообще, если присмотреться Марат с брюнеткой — очень гармоничная, эффектная пара. Я, по сравнению с ними, бледная мышь со светлыми волосами, завязанными в небрежный пучок, и в синем медицинском костюме. Не говоря уже про пятно от кофе, которое разрослось на груди и давно засохло.

Встряхиваю головой, зажмуриваюсь. Боже, о чем я думаю?

— Ты на вопрос ответишь? — жесткие, непоколебимые нотки в голосе мужа вмиг выводят меня из ступора.

Распахиваю веки. Всего мгновение назад я ничего не чувствовала, а сейчас каждую клеточку моего тела словно пронзает тонкими острыми иглами. Сердце то и дело болезненно сжимается. Дышать становится нереально — даже маленький вдох разносит невероятной силы жар по телу.

Паника начинает накатывать на меня. Ощущаю ее цепкие

щупальца у себя в голове. Они перемешивают мысли, превращая их в запутанное нечто. Непролитые слезы жгут глаза. В горле застревает ком огромных размеров.

Странно, что я еще стою. Ног совсем не чувствую, да и тела не ощущаю. Все занимает лишь боль, идущая откуда-то из глубины моей души. Тянущаяся из самых потаенных ее уголков, оставляя за собой открытые раны.

Так, Уля! Хватит!

Дыши! Главное, дыши!

Да, больно, но ты дыши! Ты же сильная! Ты со всем справишься!

Застываю, судорожно, сквозь стиснутые зубы втягиваю воздух. Разум немного прочищается. Жаль, что боль так никуда и не уходит, но теперь, по крайней мере, я могу говорить:

— Как ты мог? — выдавливаю из себя. Голос звучит слабо, но твердо.

В израненном теле появляется четкое ощущение потерянности. Мой дом резко становится чужим. Хочется уйти. И сделать это нужно прямо сейчас. Начинаю отступать, но наполненного болью предательства взгляда от мужа не отвожу. Пусть знает, что сделал со мной! Пусть тоже почувствует страдания, которые вызвал во мне.

— Стоять! — рявкает Марат и все еще обнаженный направляется ко мне. — Ты же мудрая женщина, и собираешься убегать от проблем? — бросает мне вызов.

Муж всегда так делает, когда хочет прогнуть меня. Но на этот раз у него ничего не получится — он нанес мне сокрушительный удар.

— Я не убегаю от проблем, — слезы застилают взор, скатываются по щекам. Резко стираю их. — Я ухожу, — вздергиваю подбородок, — от тебя, — быстро разворачиваюсь и несусь к выходу по темному коридору нашей квартиры.

Стук сердца гулом отдается в ушах, но не перекрывает тяжелые шаги, которые раздаются сзади.

Ускоряюсь. Не останавливаюсь, пока не достигаю двери. Распахиваю ее.

— Если ты сейчас уйдешь, то я оставлю тебя ни с чем! — прилетает мне в спину, заставляя на секунду замереть.

Оглядываюсь через плечо.

«Марат даже не потрудился прикрыться, разговаривая со мной», — вспыхивает в голове, когда я вижу идущего ко мне мужа.

— Ты уже забрал у меня все, — сиплю, отворачиваюсь и переступаю порог.

Глава 2

Не помню, как добралась до машины. Совсем.

Для этого мне нужно было спуститься на лифте с двадцать второго этажа, пройти через холл, выйти на улицу, промокнуть под дождем. Но ни одного из этих событий нет в моей памяти. Мозг словно отключился, не давая мне возможности сосредоточиться на реальности. Вместо этого то и дело подбрасывал картинки измены мужа.

По сути, я же ничего не видела, кроме двух обнаженных людей в нашей с Маратом кровати. Но стоит только подумать, чем они на ней занимались до моего прихода, яркая картинка встает перед глазами.

Я в подробностях «вижу» измену мужа.

Каждая клеточка моего тела горит, пылает. В груди жжет так, словно там кто-то развел костер. От сердца, которое принадлежало Марату, остались лишь клочки. Наверное, поэтому мне сейчас невыносимо больно. У меня отняли жизненно важный орган, вдоволь поиздевались над ним и вернули в тело, чтобы я мучилась.

Более или менее получается очнуться, лишь когда оказываюсь за рулем.

Дождь барабанит по крыше. Лобовое стекло застилает водной вуалью. Моя синяя форма потемнела и теперь кажется черной, вдобавок липнет к коже.

Вибрация телефона, лежащего в кармане рабочих штанов, разносится по телу.

Сначала хочу проигнорировать ее, думая, что это Марат мне названивает. Но вовремя вспоминаю, что я все-таки доктор, и не имею права не отвечать на звонки, если вдруг они из больницы.

Быстрыми движениями утираю слезы со щек. Судорожно вздыхаю. Шмыгаю носом. Прикусываю губу и ледяными пальцами достаю телефон.

За это время гаджет перестает звонить. На экране светится несколько уведомлений о пропущенных вызовах. Большинство от мужа. Хмыкаю… как я и думала. Но одно — заставляет все внутри меня сжаться.

Нажимаю на него… Черт! Пальцы настолько холодные, что экран не реагирует. Пробую еще раз и еще. Бесполезно.

Стараюсь сообразить, что же делать, ничего лучше в голову не приходит, кроме как согреть пальцы дыханием.

И, о чудо! У меня получается — стоит опять нажать на дисплей. Сразу перезваниваю. Прикладываю телефон к уху в ожидании ответа.

— Что случилось? — спрашиваю дрожащим голосом, как только гудки прекращаются и до меня доносится тихое «алло».

— Пришла биопсия Озаренко, — расстроенный голос Вики, медсестры, которая со мной работает, не предвещает ничего хорошего. Желудок скручивает в тугой узел. Нет, толь-

ко не это… — Я думаю, нужно отменить операцию, — девушка произносит спустя пару секунд.

Она вроде бы говорит что-то еще, но я перестаю ее слышать.

Перед глазами встает образ русоволосой худощавой женщины. Она всегда заделывает высокий хвост и не носит макияж. Когда Лидии Степановне поставили диагноз «рак груди», а меня назначили ее врачом, я несколько часов ревела, не переставая, у себя в кабинете.

Обычно я стараюсь эмоционально отгородиться от своих пациентов. Конечно, всеми силами проявляю участие, поддерживаю как могу, но близко к сердцу их истории не принимаю. Постоянно говорю себе, что жизнь и смерть ходят рука об руку. Просто нужно бороться, что есть сил, лишь бы отсрочить последнюю. В большинстве случаев это помогает мне выполнять свою работу, не задевая струны души, которые принадлежат лишь моим близким.

Вот только на этот раз мой способ «сохранять холодную голову, чтобы эффективнее помогать» не сработал.

Стоило только увидеть полный надежды взгляд Лидии Степановны, познакомиться с ее тремя маленькими девочками-непоседами, которые то и дело кружили вокруг больничной койки матери, узнать поближе мужа, постоянно держащего женщину за руку и с любовью глядящего на нее, как внутри меня что-то дрогнуло.

Возможно, я увидела в Лидии Степановне себя. Точнее,

ту себя, которой всегда хотела стать. Женщину с большой любящей семьей, несколькими детьми и верным мужем. Мужем, с которым я бы прошла рука об руку всю свою жизнь. Вот только сколько бы я ни пыталась пойти по этому пути, вечно возникали какие-то препятствия, и до сих пор ничего не складывается. Детей у нас с мужем так и нет, а врачи лишь разводят руками. Отношения с Маратом тоже стали отстраненными, даже несмотря на то, что мы старались подпитывать их всеми силами.

В итоге, у меня осталась только работа. А теперь еще выяснилось, что муж стал изменщиком.

У Лидии Степановны же получилось исполнить мою самую большую мечту.

Я не обещала ее спасти — язык не повернулся бы. Но сказала, что мы будем бороться… бороться до последнего. Вот только, что бы я ни делала, женщине становилось все хуже. Я очень рассчитывала на операцию, но и этот шанс улетел в трубу.

— Ульяна Дмитриевна, вы здесь? — взволнованный голос Вики проникает в мой затуманенный разум.

Несколько раз моргаю.

— Скоро буду, — чеканю и сбрасываю вызов.

Кидаю телефон на соседнее сиденье, сразу же поворачиваю ключ в замке зажигания и включаю дворники.

Если моя семья разрушена… мечта разбита, то я могу хотя бы попытаться спасти чужую. Нельзя сдаваться! Нельзя!

Нажимаю на педаль газа и выезжаю с парковки возле дома. Видимость нулевая, в ушах шумит, внутри все словно скручивает в тугую пружину.

Я должна спасти хотя бы эту семью.

Хотя бы ее…

— Кого бы ты хотела? Мальчика или девочку? — Марат приподнимается на кровати, после чего нависает надо мной и заглядывает мне в глаза.

Смотрит на меня пронзительно, нежно улыбается.

— Обоих, — обнимаю его за шею. — А может, двух мальчиков и одну девочку. Или наоборот. Но вообще, можно еще больше. Пол не важен. Я хочу большую семью, Марат, — шепчу ему прямо в губы. — Такую, какой у меня никогда не было, — горечь оседает на языке.

Муж резко становится серьезным, а уже через мгновение в его глазах появляется намерение, смешанное с желанием. Уголок губ мужа ползет вверх.

— Тогда нам нужно усердно стараться, — хрипло произносит Марат, прежде чем обрушивается на мои губы.

Новый поток слез брызгает из глаз, стоит воспоминанию всплыть в мыслях. Мы же с мужем были счастливы. Я знаю, что были. Куда все делось? Неужели время разрушило наши чувства? Или это сделали неудачные попытки забеременеть?

Сомневаюсь, ведь во мне все еще жива любовь. Именно поэтому сейчас так больно. Именно поэтому меня трясет. Именно поэтому слезы непрерывным потоком текут по ще-

кам.

Что же ты наделал, Марат? Что…

Машину неожиданно заносит. Дыхание перехватывает. Сердце пропускает удар. Стискиваю руль изо всей силы, пытаюсь вывернуть в другую сторону, но моих сил попросту не хватает, чтобы справиться с железным монстром. Жму на тормоз, но он не реагирует. Жму снова и снова. Бесполезно. Вдавливаю педаль в пол. Не помогает.

Мощный, ледяной страх охватывает тело. Желудок сжимается.

Автомобиль с неконтролируемой мощью и скоростью летит в кювет, а мне остается лишь смотреть на то, как перед залитым дождем лобовым стеклом появляется дерево.

Миг…

Вдох…

Удар...

Перед тем, как темнота забирает меня, единственная мысль мелькает в сознании: «Больно больше не будет».

Визуал героев

Девочки, предлагаю познакомиться с нашим героями, которых мы уже увидели в истории

Гончаров Марат Сергеевич, 37 лет

Марат — адвокат по бракоразводным процессам, владелец сети юридических контор. Юриспруденция у мужчины в крови. Он родом из семьи военных, а папа долгое время занимал должность прокурора города, пока не вышел на пенсию.

Марат одновременно решил пойти по стопам своих родственников, но в то же время найти свой путь — поэтому ушел в адвокатуру.

Бракоразводными процессами занялся, узнав, что отец изменяет матери годами. Тогда он помог маме получить развод и "нашел" свое истинное призвание.

Гончарова Ульяна Дмитриевна, 32 года

Ульяна — врач-онколог. Девушка всегда хотела помогать людям, поэтому, когда встал выбор, куда поступать после школы — медицинский вуз был единственным вариантом, который она рассматривала. А свою специальность Ульяна выбрала, когда, учась на первом курсе, "потеряла" бабушку, которая ее растила. Родители девушки были геологами и погибли во время очередной экспедиции, их тела так и не нашли — Ульяне тогда было всего пять лет. Поэтому бабушка с материнской линии забрала девушку к себе, чтобы та не попала в приют. Ульяна сильно любила свою бабушку, поэтому то, как быстро ее "сожгла" болезнь, очень сильно повлияло на девушку. Почти так же, как и потеря родителей.

Коновалава Дарина Расуловна, 37 лет

Сегодня я ее вам только покажу. Ее историю мы узнаем, чуть позже ;)

Как вам наши герои? Готовы дальше читать их историю?

Глава 3

Как же я ошибалась, когда думала, что избавилась от боли, ведь… стало хуже. Намного.

Темнота забрала меня всего на несколько мгновений. Стоило ей отступить, вернулась нестерпимая боль. Она заняла главенствующую роль в моем теле. Отняла все: возможность нормально видеть, слышать, соображать.

Такое чувство, что я — одна сплошная рана. Все тело горит. Кожа пылает ярким пламенем. Кажется, я превратилась в оголенный нерв.

Дышать становится нереально. Вдохи ощущаются хриплыми всхлипами, выдохи сопровождаются бульканьем. И все это отдается резкой агонией в теле, жжением в груди.

— Скорая уже едет, — чей-то голос доносится издалека.

Пытаюсь открыть глаза. Не получается. Веки не слушаются, как и тело в целом.

Ничего не вижу, ничего не понимаю.

— Потерпи, все будет хорошо, — кое-как сквозь гул в голове удается разобрать слова, произнесенные явно мужским голосом. Чувствую легкое прикосновение к плечу. Вздрагиваю, словно от ожога.

Сначала кажется, что это Марат рядом со мной. Но я быстро отбрасываю эту мысль — муж со своей любовницей в нашей постели… на моих любимых простынях.

Как только вспоминаю измену мужа, к физической боли добавляется душевная. Теперь кровоточит не только тело, но и сердце, и душа.

Господи, сколько страданий может выдержать один человек? Я не справлюсь со всем… просто не смогу… не смогу.

Не знаю, может, кто-то услышал мои молитвы, но меня постепенно засасывает в сонную дымку, даря мне немного облегчения.

Вот только оно оказывается временным — из темноты меня вырывает гул, резкие звуки, крики, тряска.

Снова горю.

Пытаюсь распахнуть веки — ничего не получается.

Зато не проходит и мгновения, как я ощущаю чужие пальцы на своих.

Шипение вместе со стоном срывается с губ.

— Б… больно, — удается выдавить из себя ужасный хрип.

— Осталось немного, — пальцы сильнее сжимаются, заставляя меня снова застонать. — Можно ей обезболивающего? — жесткий рык посылает колючие мурашки по позвоночнику.

— Уже вкололи, больше не имеем права…

«Еще один мужчина?» — успеваю подумать я, прежде чем опять ныряю в темноту… блаженную, безболезненную.

Из нее меня вырывает свет.

Он мелькает перед глазами, не дает снова погрузиться в умиротворение, возвращает боль. Жгучую, пронзающую на-

сквозь боль. Знакомый, почти родной запах лекарств бьет в нос.

— Женщина, тридцать два года. Врач. Попала в аварию. Лобовое столкновение с деревом. Глубокая рваная рана в брюшной полости, множество осколочных ранений по всему телу. Черепно-мозговая травма, подозрение на сотрясение. Состояние тяжелое, — будто сквозь стекло доносится мужской голос.

— Понятно. Сначала везем на томографию, а потом сразу в операционную, — а это уже женщина.

Только спустя несколько долгих секунд осознаю, что они говорят про меня.

Господи, что со мной?

Паника захватывает мозг, страх пронизывает тело, дыхание учащается, боль усиливается. В очередной раз пробую открыть глаза. Не сразу, но получается. Мутным взором утыкаюсь в белый потолок. Вижу длинные горящие лампы, мелькающие одна за одной. Осознаю, что меня куда-то везут.

Только задать ни одного вопроса не успеваю, как слышу:

— Вам туда нельзя, — произносит женщина в синей, такой же как у меня, форме.

— Но…

— Вам туда нельзя! — отрезает она.

Мгновение ничего не происходит, а в следующее — передо мной появляется знакомое лицо.

— Не переживай. Что бы ни случилось, я рядом, — произ-

носит муж, глядя на меня своими черными безэмоциональными глазами.

Получается, это он все это время сжимал мои пальцы.

Глава 4

Такое чувство, что каждая клеточка моего тела горит адским пламенем. Дышать удается через раз и то с огромным трудом. Веки настолько тяжелые, что я даже не пытаюсь их открыть.

Хочется вернуться в холодное, темное умиротворение. Туда, где не было страданий и боли… лишь пустота. Но в ней мне было хорошо. Меня ничего не волновало, не беспокоило.

Я чувствовала себя цельной.

А стоило вынырнуть на поверхность, как ощущаю себя разбитой на осколки, по которым вдобавок кто-то проходится.

Голова трещит, виски сдавливает, по черепу с внутренней стороны будто бы когтями скребется дикий зверь.

Слух улавливает какой-то писк. Слабый стук сердца отдается в ушах. До меня доносится что-то еще… что-то хриплое… что-то тихое…

Именно это мешает мне вернуться в темноту, заставляет выныривать наружу, когда я только начинаю погружаться.

Когда очередная попытка ощутить блаженное спокойствие оказывается провальной, мое дыхание учащается. Горло дерет, во рту пустыня. Но я отбрасываю в сторону неприятные ощущения, снова пытаюсь открыть глаза. Бесполезно.

Веки словно клеем моментом склеили. Оставляю это гиблое дело. Прислушиваюсь в попытке понять, какой именно надоедливый звук мешает мне вернуться в безмятежность.

Не сразу, но, в итоге, получается уловить обрывки разговора.

— Я уже сказал, что не смогу приехать… — говорит точно мужчина. Его голос мне знаком, но вспомнить, откуда я его знаю, не удается.

Только… почему к жжению в груди добавляется еще и ноющая боль? И… хочется плакать. Хорошо, хоть слез нет.

— Да, я понимаю, — мужчина тяжело вздыхает.

Снова молчание. Постепенно начинаю уплывать.

— Хватит истерить! Все будет нормально! Я приеду и разберусь!

Вздрагиваю, возвращаюсь.

— Нет, Дарин сегодня никак… — в голосе мужчины прослеживается нежность или… усталость?

А за ним раздаются шаги, какой-то скрип и тяжелый вздох.

— Нет, она не очнулась, — теперь я улавливаю печаль. — Врачи? Они не делают прогнозов. Говорят, все зависит от ее желания жить. Но организм сильный. Должен справиться… должен…

Тишина.

Может, получится уснуть? И тогда боль оставит меня в покое. Теперь она не только физическая. Такое чувство, что

сейчас мою душу кто-то терзает, режет острым клинком на мелкие кусочки. Но я не понимаю, откуда берется вся эта агония. Что служит ее причиной? Я же даже пальцем пошевелить не могу.

— Прекрати! — рявкает мужчина. В нормальном состоянии я, наверное, вздрогнула бы. А так, просто глубоко вздыхаю, отчего острая стрела проносится по телу, оставляя за собой шрам и заставляя замереть. — Это не твоя вина. Это ничья вина. Она просто не справилась с управлением.

Не знаю почему, но глаза под веками начинает жечь. Горло сдавливает.

— Да, не переживай ты так. Я буду у тебя, как только тут все нормализуется. Все будет хорошо, обещаю.

Воспоминание возвращается вспышкой.

Миг, и я «вижу» мужа в объятьях брюнетки в нашей постели. Ноющая боль превращается в настоящий огонь. Истерзанное сердце резко сжимается. Душа кровью обливается.

Все тело превращается в сплошное пламя. Дышать становится невозможно. Кажется, я сейчас сгорю. Еще мгновение, и меня не станет. Может, это к лучшему? Тогда мучения прекратятся?

— Я тебе перезвоню, — словно из-за стекла до меня доносится голос Марата. Скрип. Шаги. — Уля?

Чувствую горячее дыхание у себя на лице. Кожа покрывается мурашками, отчего все тело простреливает жаром. Боль

становится невыносимой, а возмущение и отвращение лишь усиливает ее.

Хочу сказать мужу, чтобы убирался, но снова проваливаюсь во тьму.

«Сейчас мне станет легче», — последнее, что мелькает в голове.

***

— Почему она не просыпается? Два дня прошло…

Это отчаяние звучит в голосе Марата? Нет. Не может быть. Скорее всего, он просто виноватым себя чувствует. Мгновение, и понимаю, насколько абсурдна мысль, вспыхнувшая в голове.

За что виноватым? Это же «случайность».

Жар, все еще не покидающий мое тело, усиливается.

— Организму требуется время на восстановление. — А этот голос не знаком. Он явно принадлежит мужчине. И скорее всего, незнакомец в возрасте. — Но мой опыт подсказывает, она быстро справится и скоро вернется к нам, — профессиональный тон напоминает медицинского работника. — Только… — мужчина прерывается.

— Что? — рычит муж.

Марат никогда не славился терпением.

— Когда она проснется, могут возникнуть другие проблемы. Мы провели дополнительные обследования. Вероятность иметь детей в будущем, у Ульяны Дмитриевны стремится к нулю.

Сердце пропускает удар, а потом еще один и еще. Боль, которая уже стала частью меня, набирает новые обороты. Дыхание застревает в груди.

Перманентный писк становится громче, звучит чаще… превращается в гудение.

До меня доносятся крики, чувствую прикосновения, ощущаю еще более сильный жар, чем раньше. Но не реагирую.

Тело словно живет отдельно от души. Они разъединились и не хотят сливаться вновь. Потому что не понимают: зачем?

Если раньше у меня хотя бы была надежда, что когда-нибудь в будущем моя мечта осуществится, то сейчас она рассыпалась на осколки, как и моя жизнь. Все разрушено… все.

Не сомневаюсь, что раны, нанесенные душе, больше никогда не затянутся.

Благо, темнота опять начинает затягивать меня в свои холодные объятья. И… я не уверена, что хочу просыпаться вновь.

Глава 5

Свет режет глаза. Горло дерет. Во рту пустыня. Дышать трудно, а еще… мне больно.

Так больно, что кажется с меня содрали кожу и оставили корчиться в предсмертной агонии. Вдохи ощущаются словно клинки, которые вонзаются в мое тело. Попытки открыть глаза отнимают последние силы и оказываются бесполезными.

Не понимаю, что со мной. Такое чувство, будто по мне самосвал проехался… не меньше.

Проехался… слово, которое заставляет мое сердце разогнаться до такой скорости, что я чувствую его стук в горле, ушах, висках. Воспоминания обрывистыми картинками мелькают перед глазами. Заставляют меня внутренне сжаться, задержать и без того прерывистое дыхание.

Отчетливо «вижу» мужа в нашей постели с другой… слышу его слова, брошенные мне в спину… чувствую гуляющий по телу страх, когда в последнюю секунду замечаю дерево, в которое вот-вот врежусь.

Резко распахиваю веки и… снова закрываю их, чувствуя резь в глазах.

Голова и так раскалывается, а теперь еще и добавляется противное давящее ощущение. Отчего, кажется, словно я взорвусь изнутри.

Но все равно не сдаюсь. На этот раз действую постепенно. Аккуратно распахиваю глаза, привыкая к яркому свету, заполнившему пространство. Взор все еще мутный, но мне удается рассмотреть выложенный белыми большими квадратами потолок и огромную лампу, которая заменила один из них, идеально подойдя по размеру.

Прикладываю немало усилий, чтобы повернуть голову и наткнуться взглядом на стойку для капельницы, кожаный диван с валяющимся на нем, смятым, серым пледом. Окно за ним завешено жалюзи, но створки приоткрыты, поэтому солнечные лучи беспрепятственно гуляют в комнате. Поднять голову не могу, поэтому просто поворачиваю ее и сразу натыкаюсь взглядом на плотно закрытую деревянную дверь. За ней небольшой, но широкий коридор, где находится шкаф и еще одна дверь. Именно она открывается, впуская в палату молоденькую темноволосую девушку в белом медицинском костюме и с такого же цвета шапочкой на голове.

Как только наши взгляды пересекаются, глаза, похоже, медсестры широко распахиваются. Но не проходит секунды, как она бросается ко мне.

— Как вы? — девушка бегло осматривает меня. На ее груди висит бейджик, но я не могу сфокусировать зрение, чтобы прочитать имя. Буквы расплываются. — Что-то болит? Что-то нужно? — сосредотачивается на моих глазах.

Болит? Все болит… Но, видимо, я пережила нехилую аварию, поэтому это нормально. Сейчас меня волнует другое.

Открываю слипшиеся губы и хриплю:

— Пи-и-ить, — голос настолько тихий, что больше выдох напоминает.

Но это единственное, на что я сейчас способна.

Глаза девушки моментально округляются.

— Да-да, — она бросается, похоже, к тумбочке в изголовье кровати, которую я не заметила до этого. До меня доносится звяканье стекла, какое-то шуршание, потом тяжелый вздох. — Вам, возможно, будет больно, — с сожалением произносит девушка, после чего просовывает руку под мою голову и приподнимает ее. Тело будто бы огненной стрелой пронзает, внутри все скручивается, жар вспыхивает в груди, живот вовсе в огне. Приходится стиснуть зубы, чтобы не застонать в голос. Несколько коротких вдохов помогают немного притупить боль, после чего раскрываю губы и обхватываю ими трубочку. Пью медленно, хотя хочется жадно глотать. Осушаю почти весь стакан. Останавливаюсь, когда меня начинает дико тошнить. Выпить много воды на голодный желудок — так себе идея. Тем более, я не знаю, сколько не ела.

Медсестра замечает, что я закончила, поэтому укладывает меня на подушку. Шиплю, чувствуя жжение, волнами проносящиеся по всему телу.

— Сколько… кхм… я была без сознания? — мысли все еще вязкие, едва могу выловить из них нужную.

— Чуть больше недели, — девушка ставит стакан обрат-

но на тумбу, после чего отходит немного назад, чтобы я ее видела. — Ваш муж все это время был рядом. Только пару раз отъезжал, но всегда возвращался. Даже ночевал тут, — указывает головой в сторону, где стоит диван. — Жутко за вас волновался, — мечтательно улыбается, а в следующую секунду краснеет, осознавая, что все эмоции написаны на ее лице.

Марат? Волновался? Это что-то новенькое, после того, как он поступил со мной. Скорее всего, его сожрало чувство вины. Или нет. Я больше верю в то, что муж переживает за свою репутацию. Правильно сказала его любовница. Адвокату по разводам нехило подмочит репутацию развод с собственной женой, причиной которой стала его измена.

Сердце болезненно сжимается, когда я вспоминаю момент, как застала этих двоих на своих любимых простынях, и циничное «не узнает» Марата.

Если бы не случайность, я так бы и жила с предателем, любила бы его всем сердцем… всей душой. Продолжала бы мечтать о детях от него.

«Детях, которых у тебя не будет», — внутренний голос вызывает еще одно воспоминание.

Это был сон или реальность? Не знаю…

Слезы подкатывают к глазам. Прикрываю веки в попытке их сдержать. Вроде бы получается.

Так. Не время сожалеть о разрушенной семье. Сейчас есть куда более важные вещи, с которыми нужно разобраться.

Судорожно вздыхаю. Раскрываю глаза, нахожу взглядом медсестру и спрашиваю:

— В каком я состоянии?

Страх совершенно другого рода пронзает тело. Мне так больно, что понимаю — все серьезно. Пытаюсь пошевелить пальцами, не получается… желудок ухает вниз.

Вдобавок, лицо медсестры становится белее мела. Она открывает рот и моментально захлопывает его.

— Я позову врача, — выпаливает и тут же разворачивается.

— Подождите, — окликаю девушку до того, как она успевает сделать хотя бы шаг. Медсестра застывает. Я же глубоко вздыхаю, игнорируя боль, которая волной проносится по телу. Собираюсь с силами и безжизненным голосом спрашиваю: — Скажите хотя бы, в каком состоянии позвоночник? Я смогу ходить?

Глава 6

Тихого ответа «из того, что я слышала, да», мне оказалось достаточно. Прекрасно понимаю, что медсестра не может делать никаких прогнозов и рассказывать пациентам об их состоянии тоже не имеет права. Это работа врача. Но за то, что девушка сжалилась надо мной и не заставила мучиться в ожидании, я ей очень благодарна. Я, по крайней мере, смогла расслабиться и даже прикрыть глаза. Ноющая боль в теле не дает мне уснуть, как и пульсация в висках, а еще давление в голове. Но пока я не шевелюсь, не чувствую ни охватывающих тело волн жара, ни агонии.

Я даже могу представить, что в порядке… что не было ни аварии, ни измены мужа. Могу снова почувствовать спокойствие и счастье. Вот только они ускользают сквозь пальцы. Сменяются горечью, разочарованием и отвращением. На глаза наворачиваются слезы, но я сильнее зажмуриваюсь, не давая им пролиться.

До сих пор не понимаю, как Марат мог предать наш брак. Тем более, после того, что произошло между его родителями.

Помню, как впервые Марат рассказал, почему выбрал именно специфику бракоразводных процессов. Мы сидели в ресторане, едва ли не на крыше высотного здания, с которого открывался великолепный вид на вечернюю Москву-ре-

ку. На Марате был извечный черный деловой костюм. Я же для вечера с мужчиной, который мне нравился, выбрала темно-синее платье, доходящее до бедра. Оно слишком сильно облегало, но я все-таки решилась его надеть и не пожалела, увидев, с какой жадностью смотрел на меня Марат. Будущий муж привел меня на свидание, подарив мои любимые белые розы, которые пришлось поставить в вазу на пол рядом со столиком. Мы много разговаривали и смеялись, постоянно флиртовали. Но это продолжалось до тех пор, пока я не задала неудобный вопрос…

— Почему ты выбрал именно бракоразводные процессы? — подношу бокал с красным вином ко рту, но застываю, не выпив даже глотка, когда вижу, что улыбка сползает с губ Марата. — Прости, я не должна была спрашивать, — быстро добавляю, ставя бокал обратно.

Магия вечера быстро спадает. Искры, которые витали между мной и Маратом, превращаются в пепел. Становится жутко холодно.

Дура! Дура! Вот зачем я полезла не в свое дело? Зачем?!

— Все в порядке, — Марат выдавливает из себя улыбку, но она не касается его глаз. — Я бы все равно тебе рассказал рано или поздно, значит, просто пришло время, — он отводит взгляд к окну, смотрит вдаль. — Я занялся разводами из-за мамы, — черты его лица заостряются, но взгляд расфокусируется, словно Марат переносится далеко в прошлое. — Отец ей много лет изменял, при этом оставал-

ся хозяином положения. Считал, что жена от него не уйдет, ведь он прокурор города, — выплевывает. — Я даже знаю, что отец угрожал матери. Пару раз, когда она пыталась уйти, собираясь уехать в другой город, ее задерживали сотрудники правоохранительных органов то на железнодорожном, то на автовокзале. Представляешь, какое унижение испытывала мать, когда ее под конвоем приводили в кабинет к отцу? — Марат сжимает лежащие на подлокотниках кресла руки в кулаки. — Пока я рос, ничего не знал. Они хорошо шифровались. Я видел, что мама несчастна. Просто не понимал почему. Но однажды, когда я уже давно съехал на собственную квартиру, вернулся за чем-то домой… уже не помню зачем… и застал маму рыдающую на полу кухни. Мне никогда не забыть, как мама подняла на меня свое заплаканное лицо, и я увидел след от удара на ее щеке. Мама сказала, что отец дал ей пощечину, когда она в очередной раз попросила развод, и выложила мне все, — Марат так сильно стискивает челюсти, что я слышу скрип зубов.

Не могу больше сидеть на месте. Подрываюсь. Огибаю стол и сажусь на колени Марата. Он не возражает, даже наоборот, крепко обнимает меня, вдавливая в свое тело. Кажется, что я ему нужна, чтобы успокоиться, а не сорваться и исполнить свое желание «поехать к отцу и надрать ему зад».

— Я тогда решил, что сделаю все, лишь бы помочь ма-

тери избавиться от этого тирана, — произносит спустя время. — Забрал маму к себе. И мы подали на развод. Я понимал, что будет суд, поэтому дотошно готовился, прежде чем выступить против своего отца, — он, сам того не замечая, поглаживает меня по бедру кончиками пальцев, разнося мурашки по моему телу. Мое дыхание учащается, но я ничего не говорю. Прекратить тоже не прошу, просто жду, когда Марат продолжит рассказ. — Ты бы знала, какой скандал разразился, когда СМИ пронюхали о происходящем. Газеты пестрили заголовками: «Сын против отца. Скандал в правоохранительной верхушке» и разными подобными вариациями. Репутация отца нехило подмочилась, — жестко усмехается. — Процесс я, кстати, выиграл. Мать получила не только развод, но и половину совместно нажитого имущества, а еще компенсацию за моральный ущерб, — его губы трогает нежная улыбка. — А я сделал себе имя. После такой оглушительной победы ко мне посыпались заказы. Их было так много, что пришлось открывать свою фирму. Вот и вся история, — возвращает взгляд ко мне, заглядывает в мои глаза. Хмурится. — Ну ты чего? — щелкает меня по кончику носа.

— Мне очень жаль твою мать, — признаюсь, отвожу взгляд в сторону. — Она через столько всего прошла, столько страданий и боли перенесла, — печаль разливается по телу, непролитые слезы щиплют глаза. — Не знаю, что бы я сделала, если бы муж мне изменил. Наверное, мне было бы

очень больно, потому что, по сути, самый родной человек меня предал. Предал тот, кому я открыла свою душу, отдала сердце. При других обстоятельствах я бы замуж точно не вышла, — даже мысли об измене заставляют мое сердце болезненно сжаться. — Хотя нет, знаю — я бы точно ушла от мужа, несмотря ни на что. Потому что вот что-что, а измену простить не смогу. Никогда!

Мгновение, и до меня доносится смешок. Поджимаю губы, обращаю взор на Марата и чуть не задыхаюсь. В его глазах сияет нежность и… любовь.

— Не волнуйся, — он кладет ладонь мне на щеку, едва ощутимо поглаживает кончиками пальцев нежную кожу. — Я тебе не изменю, — сокращает разделяющее нас расстояние. — Никогда, — выдыхает мне прямо в губы. — Обещаю, — целует, стирая гнетущие мысли из моей головы.

Вот чего стоят твои обещания Марат. Ничего они не стоят.

Слезинка все-таки скатывается по щеке.

Звук открывшейся двери заставляет меня вздрогнуть и распахнуть веки. Вот только, когда я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, кто пришел, жалею, что вообще очнулась. Ведь в палату заходит не только пожилой поджарый мужчина с сединой в темных волосах и белом халате, но и мой муж.

Наши взгляды тут же пересекаются, а внутри меня разгорается пожар ненависти.

Это Марат виноват во всем, что произошло!

Это из-за него я попала в аварию. Из-за него оказалась в больничной койке.

Все, потому что мой муж, который обещал мне никогда не изменять, не смог удержать свой член в штанах!

Ярость смешивается с обидой и болью, которые никуда не деваются, заполняют тело, отнимают возможность мыслить здраво. Все, чего я сейчас хочу, чтобы Марат ушел. Если он уберется с глаз моих долой, хотя бы душевная боль покинет мое тело.

Именно поэтому я глубоко вздыхаю, игнорируя жжение в груди, и зло выпаливаю:

— Убирайся! — полного ненависти взгляда с Марата не отвожу.

Глава 7

Мужчины застревают в проходе. Если глаза доктора округляются, то у мужа сужаются.

Вместо того, чтобы внять моей просьбе, Марат поджимает губы, еще мгновение стоит на месте, после чего вразвалочку проходит в палату.

Дыхание застревает в груди, когда я наблюдаю за приближением мужа. Не успеваю ни что-то сказать, ни возмутиться, как Марат нависает надо мной, заглядывает мне в лицо.

— Как ты себя чувствуешь? — Это тревога светится в его глазах?

Если бы мне не было сейчас так больно, я бы точно вскочила на ноги и врезала мужу такую смачную пощечину, что треск разнесся бы по всей палате. А так мне остается просто лежать, сверлить Марата полным ненависти взглядом и цедить сквозь стиснутые зубы:

— Я сказала: убирайся!

Марат шумно выдыхает. Его ноздри раздуваются, а в глазах мелькает гневный огонек. Вот только муж особо не реагирует на мой выпад. Всего лишь на секунду прикрывает веки, а как только распахивает их, я вижу лишь пустоту.

— Виталий Николаевич, — Марат выпрямляется, полностью игнорируя мои желания. Оглядывается через плечо. — Вы проходите?

Доктор, который застрял в двери, тут же срывается с места. Не проходит и нескольких секунд, как останавливается рядом со мной и спрашивает:

— Как вы себя чувствуете?

Вроде бы тот же вопрос, что задал муж, но он не бесит до безумия.

Мне требуется некоторое время, чтобы обуздать обжигающую ярость, которая разливается по венам, зная, что рядом со мной стоит человек, предавший меня… мое доверие… нашу семью.

Но сейчас все эмоции по этому поводу должны отойти на задний план, у меня есть куда более важная задача — понять, в каком состоянии я нахожусь.

Поэтому судорожно втягиваю воздух, стараюсь игнорировать жгучую боль, которая разносится по телу, и перевожу взгляд на врача.

Его покрытое глубокими морщинами лицо не отражает ни единой эмоции. Глаза серьезные, брови нахмурены. Все, что мне удается увидеть — это профессиональное выражение, которое присуще любому врачу.

— Нормально, — сиплю. — Если вообще так можно выразиться, — пытаюсь улыбнуться, но мне удается лишь пошевелить уголками губ. — Лучше расскажите, что со мной, — задерживаю дыхание, жду.

В ушах дико звенит, по черепу словно тысячи молоточков бьют. Но я стараюсь игнорировать неприятные ощуще-

ния и энергетику, стоящего рядом мужа, от которой все внутри стягивается в тугой узел, отдаю все свое внимание врачу.

— Давайте, сначала проверим вашу память, — снисходительно улыбается доктор, после чего меня ждет череда вопросов, начиная от моего имени, заканчивая тем, что я помню последнее.

Стоит моменту аварии, вспыхнуть в памяти, тут же возвращается леденящий душу страх, который скрутил мое тело, когда я смотрела на приближающееся дерево, нажимала на педаль тормоза, но ничего не могла сделать. В тот самый момент я понимала, что произойдет непоправимое, оставалось только надеяться на то, что удача не отвернется от меня. Остальное отошло на задний план.

Видимо, эмоции, обуревающие меня, отражаются на моем лице, поэтому Марат аккуратно, кончиками пальцев касается моего плеча. Дергаюсь от его прикосновения так, словно меня ошпарили. И моментально жалею о столь импульсивной реакции. Боль невероятной силы проносится по телу, отнимает дыхание, забирает возможность нормально мыслить. Слезы брызгают из глаз. Замираю, надеясь, что это уменьшит агонию.

Вокруг разворачивается суета. Марат что-то рычит врачу, но я не могу разобрать слов. Слышу только гул. Доктор не стоит на месте, подлетает к стойке капельницы, что-то в нее вкалывает. После чего вперивает в меня жесткий взгляд.

Постепенно становится легче. Я даже могу расслабиться

и вдохнуть полной грудью.

— Почему вы не сказали, что вам больно? — осуждающе спрашивает врач, когда видит, что я обмякаю на кровати.

Гул из головы пропадает вместе с агонией, которая всего секунду назад царствовала в моем теле, вот только их место занял туман. Из-за него слабость заполняет мышцы, а мысли путаются. Из клубка, в который они превратились, едва удается вытащить нужную.

— Я думала, что вы уже дали мне максимальную дозу обезболивающего, — снова глубоко вздыхаю.

Та-а-ак прекрасно не чувствовать боли. Нет ничего лучше этого. Прикрываю глаза.

— Так и было, — доносится до меня задумчивый голос Виталия Николаевича. — Но, видимо, ваш организм слишком быстро их вывел. Я изменю назначение, — бормочет скорее самому себе. — Ульяна Дмитриевна, посмотрите на меня, — это не просьба, а приказ. Наверное, поэтому я слушаюсь и распахиваю веки. Мне приходится пару раз моргнуть, чтобы сфокусироваться на докторе. Краем глаза замечаю мужа, который стоит слишком близко к кровати, но игнорирую его. Лучше бы послушался меня и убрался подальше! — Вы же доктор, я правильно понимаю? — Виталий Николаевич выгибает темную, но в то же время тронутую сединой, бровь. Едва заметно киваю. — Хорошо, тогда я буду говорить открыто, — мужчина расправляет плечи. — Вы попали в серьезную аварию. Вам очень повезло, что Марат

Сергеевич быстро вас нашел, иначе вы могли бы не выжить. Но даже несмотря на всю удачу, последствия аварии существенные. Черепно-мозговая травма ничто, по сравнению с рваной раной брюшной полости. Вам в живот вошел приличных размеров осколок. Во время операции мы устранили последствия, но были задеты маточные трубы. Хоть мы их зашили, но даже после полного заживления останутся рубцы, которые, скорее всего, будут провоцировать выкидыши. Вы понимаете, о чем я говорю? — врач хмурится.

Да, я прекрасно осознаю, что он имеет в виду, но… ничего не чувствую.

Возможно, дело в обезболивающем, которое мне вкололи. Или после стольких лет неудач, я просто переболела мечтой иметь собственных детей. Теперь хоть есть причина, по которой не получится это сделать, больше не придется мучиться в неизвестности. Я в любом случае стану мамой, даже если не классическим способом. Поэтому просто киваю доктору и все.

Виталий Николаевич еще сильнее хмурится. Похоже, ему не нравится моя реакция. Что-то мне подсказывает, в ближайшие дни меня навестит психолог.

— Есть еще один момент, который мы должны обсудить…

— Хватит! — жестко прерывает Марат врача. — На сегодня с нее достаточно, — чеканит, сузив глаза, смотрит на доктора. — Тем более, самое важное вы уже озвучили. Луч-

ше скажите, сколько займет восстановление?

Вот что на самом деле беспокоит Марата… Его интересует только то, когда можно будет перестать играть роль примерного мужа, который ухаживает за больной женой.

— Я не могу дать точных прогнозов, — доктор обращает свой взор на Марата. — Все зависит от организма Ульяны Дмитриевны. В подобных случаях мы оставляем пациентов в больнице на две-четыре недели, после чего выписываем. Полное восстановление может занять намного больше времени, вплоть до года.

Я, конечно, знала, что после такой аварии, мне понадобится немало времени, чтобы вернуть себе полное функционирование, но слышать подтверждение своим предположениям, тяжело.

Марат с доктором перебрасываются еще несколькими фразами. Говорят о том, что мне может понадобиться в больнице, о каких-то препаратах, о чем-то еще. Но если честно, я не слушаю. Туман обезболивающего все больше захватывает мои мысли. Поэтому я очень радуюсь, когда доктор велит мне отдыхать и уходит, напоследок бросив, что скоро пришлет медсестру, чтобы та взяла кровь на анализы.

— Ты тоже уходи, — чеканю, когда за Виталием Николаевичем захлопывается дверь. — Я не хочу тебя больше ни видеть, ни слышать. И знать тебя больше не хочу, — отворачиваю голову от мужа.

Лучше смотреть в стену, чем на этого предателя. Вот толь-

ко он в очередной раз игнорирует мою просьбу. Вместо того, чтобы убраться из палаты, Марат сокращает остатки расстояния до кровати, нависает надо мной.

— Если я уйду, кто будет ухаживать за тобой? — шепчет мне на ухо. — У тебя же, кроме меня, больше никого нет.

Глава 8

«Я справлюсь сама», — все, что мне удалось сказать мужу, прежде чем тьма, вызванная лекарствами, затянула меня окончательно. Но даже сквозь дрему я услышала: «ну да».

Хорошо, хоть когда я снова открыла глаза следующим утром, Марата не было в палате.

Может быть, он решил, что выполнил свой долг «заботливого» супруга и укатил к своей пассии? Надеюсь на это. Возможно, любовница сможет отвлечь моего мужа до такой степени, что тот забудет о своем желании «ухаживать за мной»?

Вот только как бы я ни пыталась убедить себя в том, что все идет, как надо и хорошо, раз Марата здесь нет, все равно не могу избавиться от ноющей боли в душе.

Радует лишь то, что физической боли особо не чувствую. Жаль только, туман из головы не ушел. Из-за черепно-мозговой травмы меня не оставляет головокружение, постоянно клонит в сон и мутит.

Вот только «выспаться» мне не дают. Каждые несколько часов в палате появляются медсестры. Они либо просто проверяют мое состояние, либо берут кровь, либо отвозят на диагностику — на ту же томографию, например. Девушки то и дело меняются, но все равно регулярно появляются в моей палате с вопросом: «Как я сейчас себя чувствую?».

Удивляюсь такому вниманию со стороны медицинского

персонала, ведь знаю — у них и без меня полно работы. Но стоило уточнить, что происходит, все вопросы сразу отпали.

Марат…

Оказывается, муж, пока я была без сознания, решил построить работников больницы. Доктора, которая меня оперировала, отстранили почти сразу. Ее место, моего лечащего врача, занял заведующий отделением. Медсестры, столкнувшись пару раз с взбешенным Маратом, решили не рисковать и следовать любым его указанием — в их число как раз входит регулярная моя проверка. Даже главный врач заглядывал в мою палату, пока я находилась без сознания, чтобы понять, чем можно услужить скандальному юристу, который может в любой момент «подмочить» репутацию клиники.

После того, как одна из медсестер, краснея, поделилась со мной, тем, что учудил мой муж, мне еще больше захотелось пристукнуть Марата. Разве он не понимает, что лучше не ссориться с медицинским персоналом, от которого зависит моя жизнь?

Хотя о чем это я? Мужу на меня плевать, судя по тому, что он не удержался от разговора с любовницей прямо в палате, пока его жена лежала без сознания.

Господи, как я могла пропустить момент, когда моя семейная жизнь полетела к чертям?

Громкий стук в дверь вырывает меня из череды одолевающих мыслей. Поворачиваю голову к входу как раз в тот момент, когда в палату входит незнакомый мне мужчина.

Его русые волосы зачесаны назад. Острые черты лица еще сильнее заостряются, когда он цепким взглядом находит меня. Темно-серый костюм немного смят, но выглядит новым и сидит идеально.

Незнакомец всего на секунду застревает в дверном проеме, а в следующую — широкими, размашистыми шагами направляется ко мне.

— Ульяна Дмитриевна, добрый день, — он останавливается чуть в отдалении от моей кровати, чтобы мне было удобно видеть его. — Старший следователь Муров Николай Григорьевич, — мужчина достает красный пухлый прямоугольник из кармана пиджака, раскрывает. Я не смотрю на него. Хмурюсь. — Я здесь, чтобы задать вам пару вопросов касательно аварии, в которую вы попали. Как вы себя чувствуете? — убирает удостоверение обратно в карман. — Сможете пообщаться со мной несколько минут?

— Да, но… — тяжело сглатываю. — Это был обычный несчастный случай. Шел дождь, видимость нулевая. Машину занесло, я не справилась с управлением и влетела в дерево, — вздрагиваю, когда эта картина встает перед глазами. Страх, который я ощутила в тот момент, в очередной раз сковывает внутренности, оседает на коже. Мною обуревает желание провести ладонями по рукам, чтобы хоть немного сбросить неприятные ощущения. Но не хочется лишний раз шевелиться, не говоря уже о том, чтобы задеть бинты, спрятанные под рукавами голубой сорочки.

— Вот этот момент я как раз хотел с вами обсудить, — в голубых глазах мужчины нет ни грамма эмоций, из-за чего желудок сводит. — Наши эксперты установили, что тормозная трубка вашего автомобиля была пробита, поэтому вы не смогли вовремя затормозить. А случайно ли это произошло или кто-то специально нарушил тормозную систему вашего автомобиля, нам еще предстоит выяснить. И мне очень поможет, если вы расскажете все, что вспомните о том дне. А также подумаете, есть ли кто-то в вашем окружении, кто хочет навредить лично вам. Или, может быть, вашему мужу. Либо другим бли…

Следователь не успевает договорить, как дверь в палату снова распахивается. На пороге появляется Марат, выглядящий в черных брюках и такого же цвета рубашке с рукавами, закатанными до локтей, как демон мщения. Стоит мужу увидеть Николая Григорьевича, как его черты лица заостряются, а в глазах появляется яростное пламя.

— Я разве не ясно выразился? — цедит Марат сквозь стиснутые зубы, быстро приближаясь к нам. — Не смей приближаться к моей жене!

Глава 9

Шок пронзает тело, когда я вижу, как Марат хватает за руку следователя и разворачивает его к себе. Оба мужчины одного роста, поэтому сразу же цепляются друг за друга взглядами и сверлят.

Мне, конечно, доводилось видеть Марата взбешенным. Но чтобы настолько…? Его черты лица заострены. В глазах пылает как минимум адское пламя. Ноздри раздуваются. Губы поджаты.

Муж до побеления в костяшках сжимает запястье Николая Григорьевича. Странно, что следователь ничего не говорит и не делает. Он, как был безучастным и до ужаса холодным, таковым и остается.

Жаль, что не вижу его глаз. Но почему-то мне кажется, что они… пустые.

— Добрый день, Марат Сергеевич, — Николай Григорьевич никак не реагирует на выпад моего мужа. — Я тоже рад вас видеть. А теперь позвольте, я пообщаюсь с Ульяной Дмитриевной. Ваше присутствие необязательно. Но если вы настаиваете, то можете остаться, — делает небольшую паузу. — Например, там, — указывает головой на диван.

Очень похоже на то, что следователь издевается над моим мужем или бросает ему вызов. Они что знакомы?

От этой мысли внутри все напрягается. Последнее, что

мне сейчас нужно — очередная драма.

— Ты не видишь, что моя жена не в том состоянии, чтобы с тобой… общаться? — Марат последнее слово буквально выплевывает.

— Я не отниму у нее много времени и сил, — парирует следователь и все-таки выворачивает свое запястье из жесткой хватки моего мужа.

Марат шумно выдыхает. Миг, и его выражение лица становится нечитаемым. Лишь в глубине глаз сияет блеск угрозы.

— Знаешь, что мне интересно? — муж засовывает руки в карманы брюк. — Почему именно тебя назначили на дело моей жены? — Марат выгибает бровь. — Не верю я в такие совпадения, — резко возвращает ее обратно.

— С этим вопросом тебе нужно обратиться к моему вышестоящему руководству, — следователь так неожиданно переходит на «ты», что у меня глаза округляются.

Марат, явно, хочет ему что-то сказать, даже глубоко вздыхает, но меня их перепалка жутко нервирует. Я хочу спокойствия и только. Поэтому опережаю мужа:

— Может, мы продолжим? Я устала, — даже не вру, мои глаза слипаются.

Не знаю, что влияет на мужчин, то ли моя едва слышная просьба, то ли им самим надоедает мериться тестостероновым эго, но Николай Григорьевич расправляет плечи и разворачивается ко мне.

— Да, конечно, прошу прощения, — чеканит мужчина. — Расскажите, что помните об аварии. Могут понадобиться любые подробности, поэтому постарайтесь не упускать деталей. Начните с того, где были, как долго, что делали и видели, — следователь достает из кармана пиджака небольшой черный блокнот и ручку. Похоже, планирует записывать нужную ему информацию.

Я же тяжело вздыхаю, собираю в себе остатки сил и снова сосредотачиваюсь на том злополучном дне.

— Я была дома… — стараюсь отстраниться от бури чувств, которые моментально вспыхивают в голове во время моего рассказа. Как и попросил следователь, рассказываю по порядку все, что помню. Упускаю только одну деталь… но, видимо, Николай Григорьевич это замечает.

— А что именно вас расстроило? — поднимает голову от блокнота, где, по мере моего рассказа, делал пометки.

Первый порыв — сказать про пациентку, которой стало хуже, ведь жар опаляет щеки. Но уже через мгновение понимаю, что мне не должно быть стыдно из-за истинной причины. И репутацию Марата я защищать не собираюсь.

— Потому что застала мужа с любовницей в нашей постели, — зло выпаливаю, краем глаза, замечая, как Марат напрягается.

— Фамилия Имя Отчество любовницы, — следователь даже бровью не ведет.

Не могу сдержать горький смешок.

— У мужа спросите, я ее в первый раз видела, — явная печаль звучит в моем голосе.

Но Николая Григорьевича это совсем не трогает, он просто оборачивается к Марату.

— Не подскажите данные своей любовницы? — почему-то кажется, что мужчина хочет задать вопрос с сарказмом, но сдерживается.

— Если тебе нужна хоть какая-то информация, то вызови меня на допрос, — отрезает муж. — И там мы пообщаемся в присутствии моего адвоката. А то попахивает неправомерным получением показаний, — он сужает глаза.

— Договорились, — следователь лишь пожимает плечами.

Наверное, это ужасно бесит Марата, но он не показывает своих эмоций.

— Ты закончил? Не видишь, что моей жене плохо и ей нужно отдохнуть? — напирает муж. Ему явно не терпится избавиться от Николая Григорьевича. Но почему?

— Да, думаю, на сегодня мы закончили, — следователь кладет блокнот с ручкой обратно в карман. — Выздоравливайте, пожалуйста. Уверен, мы скоро встретимся, — мужчина разворачивается. Пересекается взглядом с Маратом. — И с тобой тоже. — Это угроза звучит в его голосе?

Жаль, что уточнить в любом случае не получится, потому что следователь покидает палату. Не проходит и секунды, как Марат в один шаг преодолевает расстояние до кровати,

упирается руками в матрас с двух сторон от моей головы, нависает надо мной.

— Какого черта ты с ним разоткровенничалась? — рычит мне прямо в лицо. Адское пламя возвращается в его глаза. — В аварии мозги отшибло? Или что? Ты хоть представляешь, что натворила? Представляешь, твою мать?! — резко отталкивается от кровати, выпрямляется. Трель телефона разрывает тишину палаты. Марат не обращает на нее внимания. — Слушай меня внимательно, — чеканит. — Больше ты с ним не общаешься. Особенно в одиночку. Все, что ты ему собираешься рассказать, будешь согласовывать со мной. Ни мне, ни тебе не нужны лишние проблемы. Твоя задача сейчас лежать и восстанавливаться, а то и останешься... — Марат резко замолкает.

Его телефон продолжает разрываться. Всего на пару секунд замолкает, а уже через секунду снова звонит. Марат еще мгновение сверлит меня тяжелым взглядом, после чего достает гаджет из кармана брюк, бросает быстрый взгляд на экран и отвечает:

— Да, Дарина, — его голос резко меняется, становится спокойным и... мягким?

Глава 10

Два дня в больнице едва не сводят меня с ума.

Бесконечные процедуры, лекарства, притупляющие уже уменьшающуюся боль и… муж, который, не переставая, маячит перед глазами.

Такое чувство, что Марат поселился у меня в палате. Если уходит, то только на несколько часов, не больше. После чего возвращается, садится на диван, к которому приставил журнальный столик, — непонятно, где он его нашел, — и работает.

Похоже на то, что муж перенес в мою палату весь свой офис. На столе стопочкой лежат множество бумаг, ноутбук стоит там же и постоянно открыт. Телефон Марата не перестает звонить. Благо, разговаривать со своими клиентами и подчиненными он не решается в палате, выходит в коридор. Но я-то все равно слышу его грубый голос, раздающий жесткие приказы.

Сколько бы я ни просила Марата уйти, он не слушает. Такое чувство, что после встречи со следователем муж заделался моим личным цербером. Бдит, чтобы я «ничего лишнего не сказала». А мне приходится стиснуть зубы и терпеть.

Пару раз Марат пытался заговорить со мной. Я либо игнорировала его, либо притворялась спящей. Мне и без того сложно видеть этого предателя, еще разговора с ним я не пе-

ренесу. Если физическую боль могут притупить лекарства, которых, к слову, мне дают все меньше, то, что делать с душевной — понятия не имею.

Сколько бы я ни гоняла в голове вопрос: «Почему Марат со мной так поступил?», не могу найти на него ответ. Измена мужа не укладывается в моей голове, учитывая, что он до сих пор не общается с отцом, придавшим мать.

Вот только спрашивать о чем-либо Марата я не собираюсь. Это будет означать, что я готова к серьезному разговору. Но я не готова. Не готова и все тут.

Мне достаточно того, что Марат вертится вокруг меня. Периодически предлагает воду, все порывается покормить меня с ложечки — благо я поняла, что могу делать это сама. Пару раз за день, из него вылетает вопрос о моем самочувствии. А однажды, когда я находилась между сном и реальностью, почувствовала его прожигающий на моем лице и скользящий по телу пристальный взгляд. Но глаз так и не открыла, чтобы проверить нависает Марат надо мной или нет.

Стук в дверь отвлекает меня от гнетущих мыслей. Телевизор, висящий на стене напротив кровати и показывающий какую-то передачу, с этой задачей не справился.

Поворачиваю голову, как раз в тот момент, когда молоденькая худощавая медсестра в белом медицинском костюме и шапочке, поддерживающей блондинистые волосы, заходит в палату. Она бросает растерянный взгляд на моего мужа, сидящего на диване в строгом деловом костюме и закопав-

шегося в документах, но быстро берет себя в руки.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивает, вроде бы, Лера, останавливаясь у моей кровати, где я полусижу-полулежу на подушках.

— Все хорошо, — улыбаюсь ей, замечая, как девушка на самом деле напряжена. Видимо, Марат, который оторвался от своих «важных дел» и сосредоточился на нас, очень ее нервирует.

— Это… эм… хорошо, — уголки губ девушки дергаются вверх, но тут же опускаются. — Мне нужно сделать перевязку, а вам принять душ. Вы уже начали расхаживаться, как велел доктор?

Киваю. Мне удалось несколько раз встать и даже, стиснув зубы, пройтись до стены и обратно. Я хотела сделать это сама. Но Марат, в очередной раз проигнорировав мою просьбу, постоянно придерживал меня. Его прикосновение принесло мне больше боли, чем ходьба. Но должна признать, без его помощи я бы вряд ли справилась.

— А не рано? — Марат так резко встает, что мы с Лерой дергаемся.

Муж быстро направляется к кровати, останавливается с другой стороны от медсестры, прожигает ее напряженным взглядом.

— Не рано, — девушка поджимает губы, на мужа не смотрит. Подходит ближе ко мне, берет мою руку. — Я сниму бинты, — достает из кармана ножницы, отрезает узел между

большим и указательным пальцем.

Придерживает руку и начинает разматывать повязку. Медленно, аккуратно, но в то же время четкими движениями. Сначала открывает мои пальцы, потом тыльную сторону ладоней, после чего запястье…

Дальше не смотрю. Не могу…

Все внутри сжимается. Горло сдавливает. Дышать становится невозможно.

Смотрю на свои руки, а вижу лишь… порезы.

Кое-где покрытые корочкой. Кое-где ярко-красные. Кое-где розовые. Кое-где начавшие белеть.

«Стекла?», — всплывает на краю сознания.

Резко выдыхаю.

Паника захватывает мозг. Сердцебиение учащается. Дыхание становится рваным, прерывистым.

К…куда еще они попали?

Не понимаю, что делаю. Резко выпрямляюсь, игнорируя вспышку в животе.

— Что ты творишь? — рык Марата доносится до меня словно издалека.

Поворачиваю голову в сторону открытой ванной, в которой Марат будто специально забыл выключить свет.

Почти не чувствую рук, надавливающих мне на плечи и заставляющих лечь обратно, смотрю на себя в зеркало. Вижу… глубокую рану на левой щеке. И, кажется, несколько мелких на лбу.

Марату все-таки удается уложить меня. Но удержать от того, чтобы я оттянула ворот больничной рубашки, у него не получается, поэтому я замечаю еще больше порезов разной глубины, которые в скором времени станут… шрамами.

— Почему ты мне не сказал? — еле выдавливаю из себя, вскидываю полные слез глаза на мужа.

Глава 11

— Ты не помнишь? — осторожно спрашивает Марат.

Его слова не сразу доходят до меня. Мозг совсем отказывается работать, словно оберегает меня от чего-то… словно оберегает меня от боли. Но все-таки кое-как удается уловить смысл того, что муж пытается донести до меня. Я едва заметно мотаю головой, стараясь сглотнуть огромных размеров ком, который застрял в горле. Страшно пошевелиться лишний раз, вдруг задену… раны.

«... множество осколочных ранений по всему телу», — голос медбрата, который доставил меня в больницу, всплывает в памяти.

Боже мой, сколько их?

Марат хмурится.

— Я так и думал, — шумно выдыхает. — Уверена, что хочешь знать? — приподнимает бровь.

Собираюсь сказать «да», но такое простое слово застревает в горле. Становится страшно… очень. Я не могла так пострадать из-за простой аварии. Лобовое стекло не разбилось бы настолько сильно.

Так, Уля, ты никогда не была трусихой! Ты все равно узнаешь правду. Рано или поздно. Лучше рано.

Прохожусь языком по пересохшим губам, судорожно вздыхаю и… киваю.

На руку, которую разматывает медсестра, стараюсь не смотреть. Внутри все скручивает в тугой узел, стоит только подумать о том, в какое месиво она могла превратиться.

— Хорошо, — Марат засовывает руки в карманы брюк, надевает на лицо непроницаемую маску. — Когда ты врезалась в дерево, сук пробил лобовое стекло. Он едва не попал тебе в голову. Похоже, ты по инерции отвернулась в самый последний момент, поэтому он вошел между подголовником и спинкой сидения. Но… — муж скользит взглядом по моему лицу, отчего меня передергивает, — осколки и ветки… — он прерывается, поджимает губы до их побеления. — В общем, встреча с деревом не прошла бесследно.

С силой зажмуриваюсь… не прошла бесследно.

Сколько следов осталось? Сколько?

— Почему ты ничего не сказал? — кое-как выдавливаю из себя. — Почему никто ничего не сказал? — слова звучат не громче выдоха.

— Я им запретил, — спокойно говорит муж.

— Что? — распахиваю веки. — Зачем?

Медсестра уже закончила разматывать одну руку, но не рискует вмешаться в наш с Маратом разговор, хотя должна заняться второй.

— Не хотел расстраивать тебя еще больше, — пожимает плечами. — Ты, когда очнулась, была не в том состоянии, чтобы нормально воспринять… новость.

Не знаю, что именно Марат хотел сказать вместо «новости», но решаю не зацикливаться на этом.

— Ты не имел права, — шепчу, пытаясь прийти в себя после потрясения.

— Я имел право. Я твой муж, — чеканит Марат.

Распахиваю веки, сосредотачиваясь на нем.

— Ненадолго, — произношу четко.

В глазах мужа вспыхивает огонь ярости, но он никак не отражается на его бесстрастном лице. Вот только и пристального, пронзающего насквозь взгляда муж от меня не отводит. Я тоже не сдаюсь. Собираюсь выдержать его напор, показать, что в этом вопросе пойду до конца.

Не знаю, сколько мы сверлим друг друга непоколебимыми взглядами. Прерываемся, только когда медсестра пищит:

— Простите, но мне нужно снять бинты со второй руки.

Марат еще мгновение неотрывно смотрит на меня, после чего делает шаг назад, освобождая место медсестре, которая как раз подошла к его спине.

— Приступайте, — приказывает муж. Девушка тут же юркает между ним и кроватью. Берет мою вторую руку, срезает узел и начинает быстрыми, четкими движениями разматывать ее. — Не думай, что просто так от меня отделаешься, — произносит Марат одними губами, не отводя от меня глаз.

В его голосе столько силы, что желудок сводит от тревоги. Я знаю мужа, если он вбил что-то себе в голову, про-

сто так не отступится. Марат, как таран, если видит цель, сносит все препятствия на своем пути. И похоже, сейчас его цель — я. Но зачем ему я, если у него есть Дарина?

Первой прерываю зрительный контакт. Не выдерживаю тяжелого взгляда мужа. Слишком больно смотреть на человека, которого любила всем сердцем и который предал тебя, не задумываясь. Опускаю голову, натыкаюсь взглядом на раны на второй руке. Дыхание застревает в груди. Их много… очень.

Снова зажмуриваюсь. Не хочу видеть. Пока не хочу…

Это было три дня назад.

С тех пор мне стало лучше. Врачи говорят, что я быстро выздоравливаю. Меня даже сняли с обезболивающих. Теперь я чувствую перманентную ноющую боль, но это лучше, чем туман в голове. Сейчас я хотя бы могу мыслить более или менее здраво. Даже получается строить планы на ближайшее будущее.

Сначала нужно будет на какое-то время передать своих пациентов другому врачу. Еще необходимо найти квартиру, чтобы, когда меня выпишут, можно было сразу переехать. Вдобавок, нужно, наконец… посмотреть на себя. На всю себя.

Я до сих пор не могу решиться. Избегаю зеркал.

Боюсь, если увижу, во что превратилось мое тело… сорвусь.

Я и так на грани из-за того, что Марат постоянно вертится перед глазами, а еще раны, которые точно превратятся в шрамы. Я просто не выдержу… не выдержу…

— Собирайся, — муж, одетый в черный деловой костюм, врывается в палату, размашистыми шагами пересекает ее, бросает на кровать серый спортивный костюм, который кажется слишком большим. — Мы уезжаем!

— Куда? — хмурюсь. — Разве еще не рано?

— Нормально, — отрезает Марат, игнорируя мой первый вопрос. — Врач тебя выписал, — произносит непоколебимым тоном, показывая мне бумажки, которые держит в руке. Сужаю глаза, наблюдая за тем, как муж открывает шкаф, достает оттуда черную спортивную сумку и начинает скидывать туда наши вещи. Что-то подсказывает мне, что «врач меня выписал» под нехилым давлением. Но вопрос задать не успеваю, как Марат продолжает.

— Я больше не могу тут с тобой торчать. Поэтому ты тоже едешь домой. И не переживай, там за тобой присмотрят.

Глава 12

— Что мы здесь делаем? — полулежа на заднем сидении автомобиля мужа, через лобовое стекло смотрю на наш с Маратом загородный дом.

Винного цвета забор и кованые ворота, за которыми виднеется белый двухэтажный дом, окруженный яблочным садом, ни с чем не спутаешь. Помню, как впервые увидела объявление о его продаже — у меня перед глазами моментально появилась картинка, как мы с Маратом сидим на заднем дворе, укутавшись в пледы, пьем чай, а на лужайке играют наши дети. Я боялась рассказывать мужу о своем желании — на тот момент это были непозволительные траты, Марат как раз расширял бизнес, но мечта о доме не отпускала. Поэтому однажды вечером я собралась и просто показала мужу дом, дрожащим голосом спросила: «Может быть, мы когда-нибудь купим такой?». На следующий день Марат внес задаток, а через неделю оформил ипотеку. Когда он в первый раз привез меня сюда, я глазам не поверила. Даже сейчас слезы постепенно начинают затягивать взор, стоит вспомнить — как муж просто отдал мне ключи, сказав, что все мои мечты должны осуществляться. Несмотря ни на что.

Как же больно осознавать, что все планы, желания, мечты превратились в пепел из-за измены мужа.

— Побудешь, пока здесь, — Марат нажимает кнопку на

ключах и ворота автоматически открываются.

— Почему? — кривлюсь, пытаясь повыше подняться на сидении.

Спорить с мужем в больнице оказалось бесполезно. Когда я спросила врача, не рано ли меня выписывать, он только бросил косой взгляд на Марата и пробормотал: «срок выписки соответствует норме, тем более, за вами будет надлежащий уход». Медсестры вообще разбегались в разные стороны, стоило нашим взглядам пересечься. Когда я уперлась рогом, муж прямо в больничной рубашке посадил меня в коляску и повез по длинным коридорам больницы, после чего запихнул на заднее сидение автомобиля. А дальше меня ждала долгая поездка.

Хорошо, хоть перед ней мне вкололи обезболивающее, и я проспала почти всю дорогу. Иначе, это было бы еще то мучение.

— Тебе полезен свежий воздух, — буркает муж и направляет автомобиль к входу в дом.

Я же напрягаюсь. Не могу отделаться от ощущения, что Марат решил запереть меня в клетке, чтобы не мозолила ему глаза и не мешала развлекаться со своей новой пассией.

Жаль, что толком ничего спросить не удается, как муж останавливается боком возле белоснежной лестницы, ведущей к входной двери, после чего выпрыгивает из машины и распахивает мою дверцу.

Я буквально вжимаюсь в спинку сиденья, когда Марат

корпусом забирается в салон и отстегивает мой ремень безопасности. Последнее, чего бы мне сейчас хотелось — чтобы муж меня касался, но он все равно засовывает одну руку мне под спину, а вторую — под колени и вытаскивает на улицу. Страх скручивает внутренности, стоит оказаться в воздухе, удерживаемой от падения лишь Маратом, который хочет от меня отделаться. Приходится подавить отвращение, оседающее на языке, и ухватиться за шею мужа, лишь бы иметь хоть какую-то опору.

— Отпусти меня, — шиплю, хотя пальцы за шеей Марата переплела намертво.

— Хочешь сказать, что сама поднимешься? — муж саркастически усмехается, даже не думая останавливаться.

Он с такой легкостью мчится по лестнице, будто я ничего не вешу. На меня даже не смотрит. Его взгляд прикован к двери, которая сразу же открывается, стоит нам приблизиться.

Поворачиваю голову и встречаюсь с зелеными глазами молоденькой незнакомой девушки с темными волосами, завязанными в высокий хвост. Лишь по синему медицинскому костюму, который висит на худощавой фигуре, понимаю, что она, скорее всего, медсестра или, по крайней мере, сиделка.

Незнакомка быстрым взглядом пробегается по мне, после чего отходит в сторону, при этом тянет за собой дверь, распахивая ее еще больше.

— Все готово? — спрашивает Марат командирским то-

ном, заходя в небольшой светлый холл со шкафом для одежды и тумбой для обуви с одной стороны от входа, и лестницей с другой. Чуть дальше у противоположной стены виднеется дверь в гостиную и коридор, тянущийся влево, где находятся кухня, туалет, ванная и несколько жилых комнат для гостей.

Туда Марат и направляется.

— Да, — прилетает тихое ему в спину.

Муж никак не комментирует ответ девушки, сворачивает в коридор и не останавливается до тех пор, пока не заходит в одну из маленьких гостевых спален, в которой из мебели есть только широкая кровать, тумба со стоящим на ней телевизором, и шкаф. Единственный плюс этой комнаты — окно во всю стену, через которое открывается вид на террасу и задний двор.

— Ты решил поселить меня в комнате для гостей? — вздергиваю бровь, когда Марат аккуратно кладет меня на свежезастеленную кровать.

Медсестра, которая даже не представилась, мнется в проходе за спиной мужа.

— Ты поднимешься сама на второй этаж? — во взгляде Марата мелькает ехидный огонек, когда он в очередной раз упоминает мою ограниченную подвижность.

Черт. Он прав. Плевать. У меня есть другой, более важный вопрос.

— Где мой телефон? — уверена, в больнице уже в курсе, в каком я состоянии, и передали моих пациентов другому вра-

чу, но все равно хочу убедиться, что они в надежных руках.

— Разбился, — как ни в чем не бывало, заявляет муж. Но, прежде чем паника успевает захватить мой мозг, добавляет: — Я купил новый и перенес на него все данные, — вытаскивает из кармана пиджака черный незнакомый мне гаджет. Облегченно выдыхаю, как оказывается, зря.

— Но ты его не получишь, — Марат, не сводя с меня самодовольного взгляда, заводит руку за спину и протягивает телефон медсестре. — Если жене понадобится с кем-нибудь связаться, проследите, чтобы никому лишнему она не звонила.

Глава 13

Словно в замедленной съемке наблюдаю за тем, как медсестра подходит к Марату, протягивает подрагивающую руку, бросает короткий взгляд на меня и… забирает телефон.

Резко выдыхаю. Тело немеет. Перевожу взгляд с мужа на медсестру, которая спиной возвращается к своему прежнему месту в проходе, и не могу поверить в происходящее. Кажется, что это просто дурной сон. Нет. Кошмар.

Если я думала, что муж не способен пасть ниже, то очень сильно ошибалась. Марат пробивает одно дно за другим.

— Ты решил сделать из меня пленницу? — кое-как удается собрать разрозненные мысли воедино.

— Нет, — Марат засовывает руки в карманы брюк, смотрит на меня сверху вниз. — Но ты уже доказала, что тебе нельзя доверять, поэтому я решил перестраховаться. Важно, чтобы ты… не натворила дел, — на лице Марата не отражается ни одной эмоции, все они скрыты под бесстрастной маской.

Я перестаю узнавать собственного мужа. Или, возможно, я его совсем не знала? Мой Марат, тот за которого я вышла замуж, никогда не позволил бы себе обращаться со мной, как… Я даже подходящее слово подобрать не могу. Рабыня? Предательница? Последняя дрянь? Ничего не подходит. Относится муж ко мне совсем не как к жене. И уж точно не как

к равной себе.

— И подскажи, пожалуйста, когда же я предала твое доверие? — сарказм так и льется из меня. — По-моему, все было в точности да наоборот, — стараюсь побороть отчаяние, разливающееся по венам.

Не понимаю, зачем вообще пытаюсь поговорить с мужем. Наши силы на данный момент не равны. Марат может делать все, что придет ему в голову. Мне нужно быть хитрее.

— Разговора со следователем недостаточно? — Марат вздергивает свою черную бровь. Вторую мою ремарку словно специально игнорирует.

Едва не роняю челюсть.

— То есть, ты боишься, что я твою любовницу опорочу? Защищаешь ее? — я не думала, что мне может стать еще больнее. Ошиблась.

Краем глаза замечаю, как медсестра краснеет. Плевать. Ее никто не просил подслушивать частный разговор.

— Чушь не неси! — рявкает Марат. — Да, мне не нужно, чтобы ты лишнего взболтнула. Но не по той причине, которую ты себе выдумала.

Сужаю глаза. Все время в больнице я гнала от себя эти мысли, но что если…

Мотаю головой.

— А что плохого в том, если мою аварию расследуют? Или это все-таки была не случайность? — Марат, конечно, предатель, но он не может быть замешан в неисправности моей

машины.

Не может же такое быть, да?

— Это была случайность, — чеканит муж. На его лице отражаются следы ярости: глаза сужаются до тонких щелочек, желваки во всю гуляют на щеках. Миг, и все исчезает. Бесстрастная маска занимает свое полноправное место.

— В любом случае, пока тебе не нужно об этом думать. Твоя главная задача — выздоравливать. Остальное я возьму на себя.

Какой абсурд! Злость на мужа зарождается в груди и разносится по всему телу, заставляя его гореть.

— Мне не нужно, чтобы ты брал что-то на себя, — вспыхиваю, как спичка. — Мне нужно, чтобы ты убрался из моей жизни. Я хочу развод. И отдай мне телефон, — протягиваю руку ладонью вверх.

Медсестра за спиной мужа вздрагивает.

Зато Марату все нипочем, он как смотрел на меня нечитаемым взглядом, так и продолжает смотреть.

— По поводу двух последних твоих просьб, мой ответ — нет. Ольга проконтролирует, чтобы ты звонила только мне, или на работу. Другое общение тебе не нужно. Она сама будет набирать номера и отвечать на звонки. Конечно, если ей необходима эта работа, — грозный тон мужа предназначен явно медсестре, но все равно проникает мне под кожу, заставляя содрогнуться. — Развод… об этом мы поговорим, когда ты… придешь в нормальное состояние, — Марат оста-

навливается взглядом на моей щеке. Именно на том месте, где находятся глубокая рана. Мелкая дрожь проходится по телу. Жар приливает к щекам. Хочется отвести глаза, но я этого не делаю. Продолжаю смотреть на мужа и не понимать, кто стоит передо мной. — А касательно того, чтобы я убралася — это можно устроить. Я возвращаюсь в город. И часто приезжать не буду. Сама понимаешь, дела. — Мне показалось, или он выделил голосом слова «дела»? Не те ли это дела, которые я застала в нашей постели?! Резь в сердце становится сильнее. Желудок стягивается в тугой узел. — В общем, отдыхай и восстанавливайся. Я приеду, как только появится свободное окошко, — не успеваю опомниться, как Марат сокращает расстояние между ним и кроватью, наклоняется и… целует меня в лоб. Застываю от неожиданности. Дыхание застревает в груди. — И выбрось из своей умненькой головки все лишние мысли, — понижает голос до шепота. — Я как любил тебя, так и продолжаю любить. Это все, что тебе необходимо знать, — в следующее мгновение он выпрямляется, разворачивается и направляется к выходу, приказывая медсестре идти за ним. По пути дает девушке какие-то указания, но я ничего не могу разобрать. Все звуки заглушаются шумом в голове.

Я остаюсь совершенно одна в комнате для гостей в своем же доме. В полной растерянности и с болью не только в теле, но и в сердце.

Лишь одна мысль словно на повторе звучит в голове:

«Нужно как-то выбираться из клетки, в которой запер меня муж». Но вопрос «Как?», пока остается без ответа.

Глава 14

Хватаю с прикроватной тумбочки долбанный колокольчик и звоню в него.

Когда я в первый раз увидела этот «способ связи», глазам не поверила. Решила, что надо мной захотели знатно поиздеваться, поэтому отказалась даже притрагиваться к нему.

Но уже прошло больше получаса, а медсестра так и не пришла меня проверить. Это взбесило меня еще больше. Какой она, к черту, профессионал, если даже не спросила о состоянии пациентки, за которой ей велено присматривать?

Зато стоило позвонить в долбанный колокольчик, как я сразу услышала быстрые шаги.

— Простите, — запыхавшись, произносит, кажется, Ольга, появляясь в дверном проеме. — Я изучала вашу карту, — проходит в комнату. — Вам что-то нужно? — прищуренным взглядом осматривает меня.

Ненадолго задерживается на лице, с той стороны, где находятся раны, кажется, что уголки ее губ дергаются, а потом она скользит дальше, останавливаясь на моих глазах.

— Да, мне нужен мой телефон! — набравшись наглости, протягиваю руку. На опаляющее щеки смущение из-за порезов, которые в скором времени станут шрамами, стараюсь не обращать внимания.

Пробую сохранить самообладание, но пальцы все равно

подрагивают. Предатели!

— Вам нужно позвонить мужу? — девушка выгибает бровь, ее щеки немного зарделись.

— Это неважно! — удивительно, но голос звучит твердо. — Дай мне телефон, — замолкаю, а через мгновение добавляю: — пожалуйста.

— Простите, я не могу, — девушка отходит на несколько шагов назад, словно боится, что я отниму у нее телефон насильно. Я, которая даже с кровати толком встать не может? Это смешно!

Абсурдность ситуации выводит кипящую в груди злость на новый уровень. Я чуть ли не дышу огнем.

Мне нужно, как можно скорее, убраться из этого дома! Из дома, который я когда-то так сильно хотела. Из дома, которому когда-то отдала всю душу и оформляла с такой любовью. Из дома, который, в итоге, стал моей клеткой. Вот только я не понимаю, как сбежать. Единственный выход из сложившейся ситуации, который приходит мне в голову — добраться до соседей.

Будет больно, но разве это того не стоит?

Не даю себе передумать, стискиваю челюсти и кое-как сажусь на кровати. Эффект от обезболивающих уже начал сходить на нет, поэтому режущая боль в животе отдается отголосками по всему телу и заполняет сознание.

— Что вы делаете?! — медсестра бросается ко мне.

Вот только стоит выставить открытую ладонь вперед, как

она застывает.

Пока девушка не успела прийти в себя, пользуюсь ситуацией. Собираюсь силами, сбрасываю ноги с кровати и сползаю с нее.

— Вы с ума сошли?! — крик Ольги чуть ли не оглушает.

Не слушаю, впиваюсь зубами в нижнюю губу, стараясь подавить боль, из-за которой тело буквально немеет, выпрямляюсь. Но не успеваю простоять даже несколько секунд, как меня начинает вести в сторону. Едва получается ухватиться за прикроватную тумбочку, а потом перевалиться на стену, чтобы не плюхнуться на пол.

Мне требуется несколько долгих секунд, чтобы отдышаться, прежде чем я делаю шаг, придерживаясь за стену.

— Куда вы? Вам вставать категорически противопоказано! Вы должны отдыхать! — обеспокоенный визг сменяется мягкими руками на моих плечах.

Мне передергивает от чужого прикосновения. Холодный пот выступает на позвоночнике.

Веду плечами, лишь бы избавиться от неприятного покалывания на коже из-за чужого прикосновения. Но медсестра даже не думает о том, чтобы меня отпустить. С силой дергает назад, пытается вернуть обратно к кровати. Вот только ей не повезло, у меня появилась цель — выбраться из этого проклятого места и, наконец, избавиться от предателя мужа. Поэтому я буду двигаться вперед, несмотря ни на что… чего бы мне это не стоило.

Шаг за шагом, чувствуя сильные руки на своих плечах и держась за стену, кое-как выползаю из гостевой спальни. Очень похоже на то, что мозг отключается, а боль притупляется. Потому что я вижу лишь цель, к которой иду. Тело отказывается слушаться, но я на чистом энтузиазме переставляю ноги. Одна за одной. Одна за одной. Основной вес переношу на стену, стараюсь идти и не останавливаться. Не обращаю внимания, на тот факт, что медсестра то и дело пытается преградить мне путь и отвести меня обратно в комнату. Сердцебиение громким стуком отдается в ушах. Поэтому я не слышу то, что она мне говорит.

Хотя, на самом деле, плевать. Я все равно доползаю до выхода. Не понимаю как, но делаю это. Скорее всего, в крови бурлит адреналин, перекрывающий все эмоции, которые только есть в моем теле. Все, чего я хочу — убраться из клетки, в которой меня запер муж.

Уже вижу выход, даже кладу ладонь на металлическую ручку, нажимаю на нее… распахиваю дверь, как чуть не врезаюсь в широкую спину, обтянутую черным пиджаком. Скольжу взглядом по массивной фигуре вверх и вижу лысую голову. Не проходит и пару мгновений, как мужчина поворачивается:

— Вам запрещено выходить, — гортанным басом произносит он. Его грубые черты лица еще больше заостряются. Меня же сотрясает крупная дрожь.

— Кто вы? — единственный вопрос, который удается вы-

давить из себя.

— Я ваш охранник, — чеканит мужчина, окидывая меня ледяным взглядом.

Едва не роняю челюсть. В голове начинает еще больше шуметь. Не понимаю, что происходит, мысли превращаются в кашу. Хочу что-то спросить, но не знаю, что именно, как сзади раздается мелодичный голос медсестры:

— Эм… вам тут пришло сообщение, — каждое слово Ольги наполнено нервозностью. Она делает глубокий вдох и зачитывает сообщение:

«Ульяна, я знаю, что ты попытаешься выбраться, поэтому я решил перестраховаться. Надеюсь, вы с Михаилом подружитесь.»

Глава 15

Два дня. Два долбанных дня я нахожусь в заточении.

Стоило осознанию, что выбраться из клетки мужа не получится, сформироваться в голове, весь запал к побегу исчез вместе с адреналином. Боль резко вернулась, колени подогнулись. Я бы точно плюхнулась на пол, если бы меня не подхватил на руки Михаил, с которым я должна «подружиться».

Даже сейчас злость берет, когда я вспоминаю это заявление моего муженька. По факту он запер меня в загородном доме, пока сам у нас в квартире развлекается со своей любовницей. Нет, конечно, Марат каждый день звонит. Медсестра, которую он приставил ко мне, постоянно пытается сунуть мне под нос телефон, чтобы я поговорила с мужем. Но мне обычно хватает одного вопроса: «Ты выпустишь меня?», и ответа: «Нет», чтобы понять — никакого разговора у нас не получится.

Сейчас у меня есть лишь один выход — побыстрее поправиться и самостоятельно выбраться из клетки мужа.

Вот только мой неудавшийся побег не прошел бесследно. Швы разошлись, и медсестре пришлось потрудиться, чтобы привести меня в порядок.

Поэтому новая попытка побега оттянулась на неопределенный срок. Благо, мне дали пообщаться с новым врачом моих пациентов. Иначе я точно чокнулась бы от беспокой-

ства. Но когда поняла, кто взял на себя мою работу, выдохнула. Артур Николаевич — прекрасный доктор, достойная замена мне. Жаль, что во время разговора с ним не удалось попросить о помощи. Медсестра стояла надо мной с моим же телефоном в руке и наблюдала, как ястреб, готовясь в любой момент отключить вызов.

С тех пор моя жизнь превратилась в день сурка. От окунания в полнейшее отчаяние меня удерживает лишь понимание, что я не буду сидеть здесь вечно.

Скоро… очень скоро я встану на ноги! И тогда выкину Марата из своей жизни навсегда!

— Ульяна Дмитриевна, вам тут какая-то Леонова Виктория звонит, — Ольга в белом халате, хмурясь, заходит ко мне в комнату, вырывая меня из размышлений о том, как я линчую мужа.

Сердце пропускает удар, а уже через мгновение разгоняется до невероятной скорости.

— Это моя медсестра, — сиплю, желудок сжимается от тревоги. — Та, с которой я работаю, — поясняю, когда вижу непонимание в глазах «надзирательницы». — Она просто так не позвонила бы. Ответь. Что-то явно произошло, — мольба улавливается в моем голосе.

Ольга еще больше хмурится, но все-таки проводит пальцем по экрану.

— Вика, что случилось? — выпаливаю, даже не здороваясь, когда слышу тихое «алло».

— Ульяна Дмитриевна? — мягкий женский голос звучит немного взволнованно.

— Да, — киваю, хотя понимаю, Вика не видит. Ольга подходит ближе. Похоже, осознает, что меня плохо слышно. — Не томи! — едва не кричу.

— Озаренко… — девушка прерывается, а мое дыхание застревает в груди. — Мне жаль. Все плохо.

Мышцы натягиваются словно тетива. Биение сердца отдается в кончиках пальцев, горле, ушах.

Будто наяву вижу полное надежды худощавое лицо Лидии Степановны. Глаза, в которых не было ни капли сомнений в моих силах. Ее мужа и детей. Троих детей…

Этого не может быть. Просто не может…

— Что говорит Артур Николаевич? — кое-как выдавливаю из себя.

Слезы собираются в уголках глаз. Мне приходится приложить неимоверные усилия, чтобы не дать им пролиться.

— Пара дней. Может быть, неделя, — печаль даже через телефон отчетливо слышится в голосе девушки.

— Твою мать! — с размаху ударяю по матрасу. — И ничего нельзя сделать? Совсем? — спрашиваю, хотя сама понимаю, что просто сотрясаю воздух.

Если Артур Николаевич дал прогноз, то исход неминуем.

— Только если попрощаться, — обреченно вздыхает Вика. — Я знаю, что вы на больничном. Но подумала, что все равно захотели бы знать…

Прикрываю глаза, тру руками лицо.

Вот что за несправедливость?

Почему настолько светлые люди должны уходить?

Почему? Почему, твою мать?!

Я же боролась за эту женщину! Боролась изо всех сил! Да, ничего не обещала, но каждый день подбадривала. Была рядом. Помогала пройти ад лечения. А потом… попала в аварию. Если бы… только если бы, со мной ничего не случилось, я, возможно, смогла бы победить? Был ли у меня шанс?

— Я приеду, — выпаливаю, не успевая подумать. Но спустя секунду размышления осознаю, что это самое правильное решение из всех возможных. Я должна сама убедиться, что ничего нельзя сделать. — Вика, скоро увидимся, — произношу твердо. И поворачиваю голову к «надзирательнице». — Звони моему мужу! — требовательные нотки наполняют каждое слово.

Ольга поджимает губы. Пару очень долгих мгновений ничего не делает, после чего сбрасывает вызов, едва раздается: «Вы уверены?», и набирает другой номер.

Пока слушаю длинные гудки, не дышу. Боюсь, что если сделаю хотя бы вдох, сорвусь. Я и так сохраняю самообладание из последних сил. Меня трясет, рыдания комом застревают в горле.

— Ульяна, — жесткий голос Марата раздается как-то неожиданно. Вздрагиваю. — Что-то случилось? — Это тревогу в его голосе я слышу? Неважно!

— Мне нужно на работу. Сегодня. Сейчас. Моя пациентка, — судорожно вздыхаю. — С ней все плохо. Я должна сама убедиться, что ничего нельзя сделать, — голос скрипит из-за сдерживаемых слез.

— Ульяна… — строго произносит Марат, спустя секундное молчание.

— Отпусти меня хотя бы в больницу, — мольба отчетливо слышится в моем голосе. Плевать. Сейчас я готова унизиться. Готова на все. — Пожалуйста, — выдыхаю и всхлипываю.

Прикрываю рот рукой. Задерживаю дыхание. Жду вердикта.

Но слышу... тишину.

Глава 16

Марат согласился.

Я своим ушам не поверила, когда услышала «хорошо» в трубке. Наверное, поэтому еще пару секунд сидела напряженная до предела, а потом, стоило осознанию все-таки сформироваться у меня в голове, облегчение разлилось по телу.

Конечно, не обошлось без условий. Марат заявил, что Михаил и Ольга будут сопровождать меня повсюду и в больнице в том числе. Также мне вдруг оказалось нельзя надолго задерживаться на работе — «все-таки я еще не до конца выздоровела». И конечно, я должна отзваниваться Марату раз в час, чтобы он мог убедиться, «что со мной все в порядке».

Слушая условия, я с каждой секундой сильнее и сильнее стискивала челюсти, но, в итоге, прикусила язык и промолчала.

Позже… гораздо позже, когда приду в норму, позволю себе высказать Марату все, что думаю, и умчусь в закат. Но на этот раз мне пришлось принять его условия. Пришлось заплатить цену за то, чтобы сейчас сидеть в сером спортивном костюме в коляске перед дверью своей пациентки и стараться справиться с эмоциями. Мне казалось, за годы работы в онкологии я смогла выработать стержень, но, встретив Лидию Степановну, он, похоже, не просто согнулся, а сломался.

Не знаю почему, именно эта женщина вызывает у меня такую реакцию, но я словно чувствую невидимую связь между нами.

— Останьтесь тут, — поворачиваю голову к Михаилу, который в черном костюме столбом стоит рядом со мной. Его лысина блестит в свете квадратных ламп, встроенных в белый высокий потолок.

— Я обязан повсюду следовать за вами, — чеканит мужчина, глядя прямо перед собой.

— Там больной человек. Женщина… в очень плохом состоянии, — заправляю волосы за ухо и тут же возвращаю их обратно, вспоминая про раны. — Ей нужно спокойствие, а вы можете ее напугать. Тем более, со мной поедет Ольга, — указываю головой назад на медсестру, которая всю дорогу катила мою коляску. От помощи Михаила отказалась, заявив, что это ее работа.

Охранник опускает голову, пару мгновений вглядывается в мое лицо, после чего кивает.

Не верю своему счастью и не собираюсь испытывать удачу. Игнорируя резь в животе, сразу хватаюсь за ручку, нажимаю на нее и толкаю дверь.

Ольга сразу же трогает коляску с места, вкатывая меня в одноместную палату, посреди которой стоит кровать, за ней диван, а в изножье — стол с двумя стульями. Запах лекарств в палате усиливается, но для меня он привычен.

Мое внимание сразу же сосредотачивается на одинокой

фигуре женщины, лежащей на кровати в тишине и, похоже, спящей. Вот только я почему-то сомневаюсь в последнем.

Мы проезжаем мимо встроенного в стену шкафа и двери, ведущей в ванную, после чего останавливаемся рядом с женщиной.

Поднимаю руку, которая до кончиков пальцев прикрыта серыми рукавами. Аккуратно касаюсь тыльной стороны ладони женщины, лежащей поверх белого одеяла.

Лидия Степановна тут же поворачивает ко мне голову, на которой надета цветастая косынка. Расфокусированный взгляд женщины постепенно сосредотачивается на мне. После чего глаза Лидии Степановны распахиваются.

— Ульяна Дмитриевна? — голос женщины слабый, но в то же время в нем легко прослеживается удивление. — Что вы здесь делаете? Мне сказали, что вы в серьезную аварию попали, — она окидывает меня быстрым взглядом и хмурится.

— Как видите, — грустно улыбаюсь, когда Лидия Степановна возвращает печальный взгляд к моему лицу. — Я приехала вас проведать, заодно взгляну на анализы и…

— Не нужно, — твердо произносит женщина, что почти нереально в ее состоянии. — Я вам благодарна за то, что вы приехали. Я волновалась и хотела убедиться, что вы в относительном порядке, — женщина тяжело выдыхает. — Но не нужно ничего делать, пожалуйста, — умоляюще смотрит на меня.

Внутри все сжимается. Я знаю этот взгляд, видела его

много раз. Лидия Степановна сдалась. Женщина, которая пришла ко мне с неумолимой надеждой и жгучим желанием бороться, сдалась. А значит… болезнь победила.

— Лидия Степановна, — накрываю холодную руку женщины ладонью. — А как же ваш муж? Дети?

Глаза Лидии Степановны наполняются слезами. Но она их смаргивает и судорожно вздыхает.

— У детей есть отец, который о них позаботится. Коля… он сильный. Справится. В итоге, переживет мою потерю, снова женится и будет счастлив, — выдавливает из себя слабую улыбку. — А я… — проходится языком по пересохшим, потрескавшимся губам, — я устала. Так сильно устала, что больше не могу. Вы понимаете? — шмыгает носом.

Грудь сдавливает, горло сводит. Зажмуриваюсь всего на секунду, а в следующую — распахиваю веки.

— Я понимаю, — чуть сильнее пожимаю ее руку.

Я бы многое могла сказать сейчас. Например, то, что детям нужен не только отец, но и мать. Напомнить, что Николай может никогда не пережить потерю жены, учитывая, как он на нее смотрит. Так, словно она единственная на этом свете. Надавить на болевые точки. Заставить предпринять еще одну попытку. Но не делаю этого. Иногда милосерднее просто отступить.

— Понимаю, — шепчу, изо всех сил сдерживая слезы.

Искренняя благодарность появляется на чересчур бледном лице женщины.

— Спасибо, — шепчет она. — А еще на правах умирающей, я хочу попросить вас не винить себя. Вы сделали все, что могли. Я это знаю. Все знают. Только благодаря вам, я так долго протянула. Успела закончить дела и побыть рядом с детьми и мужем, — женщина перехватывает мою руку и уже сама пожимает. — Ваша авария ни на что не повлияла, — тяжело вздыхает. Я даже отсюда слышу хрипы в ее дыхании. Черт. — Как же я рада, что вы выжили. Теперь у вас одна задача — выздороветь, полностью восстановиться и прожить полную жизнь. Ту, о которой вы мечтаете. Обещаете мне? — произносит на выдохе.

Внутри все сводит от сдерживаемых рыданий, но я все равно нахожу в себе силы просипеть:

— Обещаю.

Лидия Степановна вымученно улыбается:

— Смотрите мне. Обещание умирающей нельзя нарушить, — даже в таком состоянии шутит.

Судорожно вдыхаю, но сказать ничего не успеваю — дверь в палату распахивается.

— Привет. Прости, я опоздала, нужно было в гинекологию забежать. Ну как ты тут? — к нам подлетает темноволосая слишком громкая женщина.

Она огибает мою коляску и останавливается рядом с Лидией Степановной. Смотрит лишь на женщину, зато я не могу отвести шокированного взгляда от нее. Ведь узнаю в посетительнице своей пациентки любовницу моего мужа.

Глава 17

Если бы я могла нормально двигаться, то, наверное, уже вскочила бы с места, как ошпаренная. А так приходится просто сидеть в коляске и, хлопая глазами, наблюдать за любовницей мужа, которая в черном облегающем платье в пол и на высоченных каблуках выглядит слишком шикарно для больницы. Ее темные, доходящие до плеч, волосы вуалью закрывают лицо, но даже несмотря на то, что я не вижу глаз девушки, сердце все равно болезненно сжимается. Вдобавок, становится безумно трудно дышать.

Дарина же, если я не ошибаюсь, склонилась над… а кем ей приходится Лидия Степановна? Понятия не имею. За все то время, что Лидия Степановна лежит в больнице, эту девушку я не видела ни разу.

В голове столько мыслей, что та начинает пухнуть. Хочется убраться отсюда подальше и одновременно закричать, привлекая всеобщее внимание. Но больше всего я желаю узнать, какого хрена Дарина здесь делает?!

— Ничего, — Лидия Степановна выдавливает из себя улыбку. — Я никуда не спешу, — слабо усмехается. — Кстати, Дар, ты знакома с моим врачом, Ульяной Дмитриевной?

Стоит моему имени прозвучать в комнате, в ней тут же повисает звенящая тишина. Любовница мужа застывает. Похоже, даже не дышит. Но уже через мгновение берет себя в

руки и медленно, слишком медленно поворачивается ко мне.

Карие глаза девушки сосредотачиваются на моем лице. Не проходит и пары секунд, как они округляются. Жар приливает к щекам, когда понимаю, что любовница мужа смотрит на мои раны. Моментально хочется прикрыться, но я не позволяю себе проявить слабость и отвернуться. Продолжаю сидеть с гордо поднятой головой и прожигать взглядом девушку, которая, явно, тоже не ожидала увидеть меня здесь.

— Ульяна Дмитриевна, это моя двоюродная сестра, Дарина. Она только недавно вернулась в Москву, поэтому вы не встречались ранее, — доносится до меня словно из-за стекла голос Лидии Степановны.

Судорожно вздыхаю. Сестра значит?

Да уж, как может повернуться жизнь. Как у такой замечательной любящей женщины может быть настолько подлая сестра?

Господи, да какая разница?! Я с этой… Дариной даже пары секунд в одной комнате находиться не хочу.

Вот только стоит открыть рот, как до меня доносится приглушенный голос любовницы моего мужа:

— Разве твой врач не Артур Николаевич? — она не отводит от меня пристального взгляда, но на этот раз переключается на глаза.

— Да, сейчас он. Но до недавнего времени меня лечила Ульяна Дмитриевна, — кажется, я слышу в голосе Лидии Степановны непонимание, но объяснять ей ничего не соби-

раюсь.

— Мне пора, — выпаливаю, внутри все стягивается в тугой узел. — Лидия Степановна, — заставляю себя оторваться от лицезрения Дарины, которая недовольно поджала губы, — я постараюсь навестить вас еще как-нибудь, — «но не обещаю» повисает в воздухе.

— Даже не думайте об этом, — старается строго произнести женщина, но выходит слишком тихо. — Я и так благодарна вам за то, что вы приехали, — тяжело сглатывает, — и за то, сколько всего для меня сделали, — вымученно улыбается. — Спасибо за все, и выздоравливайте, пожалуйста, — столько нежности и благодарности звучит в голосе женщины, что у меня ком встает в горле.

Слезы снова подкатывают к глазам, но я их смаргиваю.

— И вам спасибо… за все, — сиплю. После чего судорожно вдыхаю и произношу. — Ольга, поехали.

Медсестра, которая все это время была тише воды ниже травы, тут же отодвигает коляску чуть назад, после чего разворачивает ее и направляет к выходу. Я же смотрю только перед собой. Любовницу мужа намеренно игнорирую, хотя чувствую ее прожигающий насквозь взгляд. Из-за него колючие мурашки покрывают кожу и грудь сдавливает.

Чем дальше мы отдаляемся от Дарины, тем легче мне становится дышать. А когда Ольга открывает дверь в палату и вывозит меня в коридор, я даже позволяю себе расслабить спину, которая все это время была вытянута до предела.

Вот только снова напрягаюсь, когда слышу отдаленный женский голос:

— Я сейчас.

Сердце моментально ускоряется. Дыхание прерывается.

А уже через мгновение я улавливаю стук каблуков.

— Поехали, — шепчу, но, похоже, меня не слышат. Прочищаю горло. — Я сказала: поехали! — приказываю.

И это срабатывает. В следующую секунду Ольга толкает коляску, направляя ее дальше по коридору. Михаил следует рядом.

Жаль, что далеко уехать мы не успеваем, как до нас доносится сначала скрип двери, а потом хлопок. Миг, и мне в спину прилетает:

— Как ты лечила мою сестру, что она находится при смерти?

Глава 18

Ольга тормозит.

У меня же по позвоночнику бежит холодок. Горло сводит. Приходится прикрыть глаза, чтобы хоть немного потушить пожар гнева, который разливается по венам.

— Поехали! — цежу сквозь стиснутые зубы.

— Но…

— Я сказала: поехали! — повышаю голос, вцепляюсь в подлокотники.

Сзади раздается стук каблуков, который ощущается как удары молотком по моей голове.

Ольга медлит всего мгновение, после чего толкает коляску. Но небольшой заминки любовнице мужа хватает, чтобы догнать нас.

— Я вроде вопрос задала! — Дарина огибает коляску, преграждает путь. Явно, хочет приблизиться, но натыкается на руку Михаила. Девушка опускает на нее взгляд, после чего вскидывает голову. — Как ты смеешь?! — шипит словно змея.

— Вы не можете подойти ближе, — безразлично отвечает охранник.

Дарина сужает глаза.

— Ты вообще знаешь, кто я? — смотрит на Михаила с превосходством.

— Мне все равно. Вы не можете подойти, — в голосе охранника не прослеживается ни единой эмоции.

Любовница мужа прожигает Михаила надменным взглядом, после чего фыркает.

— Я поговорю с твоим боссом, и…

— Вы вроде бы что-то со мной хотели обсудить, — я могу смириться со многим, но угрозы людям, которые со мной работают, ни за что не приемлю, поэтому перевожу внимание Дарины на себя.

Девушка ведется. Тут же опускает голову, в ее глазах мелькает презрение. Черты лица любовницы мужа заостряются.

— Почему моя сестра в таком состоянии? — ее плечи расправлены, грудь выпячена. Кажется, она в любой момент может кинуться на меня, но препятствие в виде руки охранника мешает.

— У Лидии Степановны рак, — стараюсь держать лицо, а не закатить глаза.

Дарина, видимо, улавливает сарказм в моем голосе.

— Спасибо, мисс Очевидность, я в курсе, — она едва не скрипит зубами от злости. — Почему за столько времени, пока ты ее лечила, ей не стало лучше, а только хуже, — бросает обвинение мне в лицо.

Гнев струится по венам. Будь я в нормальном состоянии, то, наверное, уже сократила расстояние между нами и… Да ничего я бы не сделала женщине. Не стала бы опускаться

до уровня беспринципной скандалистки. Поэтому и сейчас обращаюсь к хладнокровию, которое вырабатывала годами. Чуть вздергиваю подбородок, после чего абсолютно спокойно произношу:

— Если у вас есть вопросы по назначенному мною лечению, вы можете обратиться к главному врачу. Он проведет проверку. А сейчас прошу меня простить, мне пора. Ольга, поехали.

Видимо, медсестра на этот раз была готова, поэтому сразу трогается с места, уводя коляску чуть в сторону, чтобы объехать Дарину, но та снова преграждает нам путь.

— Мы не закончили, — рявкает, делает шаг ко мне, но в очередной раз натыкается на руку охранника. Бросает на него яростный взгляд. Благо, ничего не говорит, лишь возвращает взор ко мне. — Думаешь, если стала калекой, — намеренно переводит взгляд на раны на моем лице, прежде чем снова заглянуть мне в глаза, — то тебе сойдет с рук врачебная ошибка?

Миг, и все самообладание, за которое я старалась держаться, исчезает.

— Думаешь, если спишь с моим мужем, имеешь право строить из себя врача? — что есть силы сжимаю ручки коляски. — Вроде бы медицинское образование не передается половым путем!

К щекам девушки приливает кровь, но она не собирается сдаваться, открывает рот…

— Что здесь происходит? — сзади раздается строгий мужской голос, от которого у меня мурашки покрывают кожу.

Только его здесь не хватало!

Глава 19

На мгновение прикрываю глаза, судорожно втягиваю воздух, но даже распахнуть веки не успеваю, как снова слышу тот же голос, но уже ближе:

— Я спросил, что здесь происходит?

Мелкая дрожь волной проносится по телу. Резко открываю глаза, вздергиваю голову и встречаюсь с профилем мужчины. Его темные волосы, которые прилично отросли, зачесаны назад. Волевые черты лица ожесточены. На широких плечах натянут белый халат.

— Артур Николаевич, — произношу так спокойно, насколько могу. — Я все объясню.

Заведующий отделением, а также по совместительству, мой босс и человек, на которого «легли» мои пациенты после аварии, полностью игнорирует меня. Он смотрит лишь на Дарину, которая тушуется под его строгим взглядом.

— Вы понимаете, что находитесь в отделении, где лежат тяжелобольные люди, которым требуется покой? — Артур Николаевич прожигает девушку нечитаемым взглядом. — Если у вас есть вопросы по лечению пациентки, то просьба обращаться ко мне. Сейчас я ее врач и, изучив историю болезни, не вижу допущенных ошибок со стороны Ульяны Дмитриевны. Но, как она уже вам сказала, вы всегда можете запросить проверку. А сейчас прошу нас извинить. Ульяна

Дмитриевна, следуйте за мной, — больше ни на секунду не задерживается.

Зато Ольга стоит на месте.

— Поехали, — говорю я девушке подрагивающим голосом. Щеки жутко печет. И похоже, не у меня одной.

Дарина настолько красная, что ее лицо по цвету свеклу напоминает. Вдобавок, девушка пыхтит, как паровоз. Стоит нам приблизиться к ней, как на лице Дарины отражается странное намерение. Ехидный блеск мелькает в ее глазах, из-за чего у меня желудок сжимается. Но я отбрасываю нехорошее предчувствие в сторону и стараюсь сосредоточиться на дыхании.

Что-то подсказывает, что мне сейчас предстоит еще один не самый приятный разговор.

Ольга подвозит меня к открытой двери в конце коридора, на которой висит белая табличка с именем и должностью. Завозит меня внутрь. Михаил заходит следом.

— Прошу всех посторонних выйти из кабинета, — чеканит Артур Николаевич, который ждет нас, оперевшись бедрами на свой стол и сложив руки на груди.

— Я должен всегда находиться рядом с Ульяной Дмитриевной, — в тон отвечает охранник.

Глаза заведующего сужаются, мои щеки еще больше начинают гореть.

Поворачиваю голову к Михаилу, который стоит сбоку от моей коляски, и тихо произношу:

— Прошу, оставьте нас. Это кабинет заведующего отделением. Тут со мной ничего не случится. И я никуда не денусь. Не с окна третьего этажа мне же прыгать, — пытаюсь пошутить, но выходит так себе. Охранник, как не смотрел на меня, так и не смотрит. — Пожалуйста, — шепчу.

Если бы я не смотрела на Михаила, то, наверное, не заметила бы, как его плечи чуть опустились.

— У вас десять минут, — охранник разворачивается и выходит в коридор.

— Ольга, вы тоже оставьте нас, пожалуйста, — оглядываюсь через плечо. Девушка недовольно поджимает губы. — Это рабочий разговор, — добавляю, пытаясь склонить чашу весов в нужную мне сторону.

Спустя несколько долгих секунд медсестра, явно, нехотя кивает. После чего выходит следом за Михаилом, аккуратно прикрывая за собой дверь.

— Ульяна, что ты здесь делаешь? И какого черта происходит? — стоит нам остаться наедине, заведующий заваливает меня вопросами.

Щеки, которые и так не успели прийти в норму, кажется, сейчас вовсе сгорят.

— Я приехала по поводу Лидии Степановны. Хотела посмотреть, можно ли что-то сделать, — не знаю, откуда у меня берутся силы, но голос даже не дрожит. Видимо, мой врачебный стержень вернулся.

Вот только стоит увидеть, как Артур Николаевич сужает

глаза, вся моя решительность схлопывается.

Блин! Как я не подумала, что своим появлением поставлю под сомнение компетенцию заведующего?

Но извиниться и объясниться не успеваю, мужчина меня опережает:

— Ты зря приехала, — отрезает он, холодно глядя на меня. — Лидия Степановна больше не твоя пациентка. И к ее лечению я тебя не подпущу. Особенно, — заведующий окидывает меня бесстрастным взглядом с головы до ног, прежде чем вернуться к глазам, — в таком состоянии.

— Но… — начинаю и сразу же замолкаю, когда вижу непоколебимость на лице мужчины.

— Ульяна, ты сейчас должна заботиться только о себе, — голос Артура Николаевича смягчается. Мужчина отталкивается от стола и направляется ко мне. — Если бы Лидии Степановне можно было бы помочь, неужели ты думаешь, я бы не предпринял все необходимое для ее выздоровления? — останавливается в шаге от меня, резко наклоняется, упирается руками в подлокотники и заглядывает в мои глаза. Мне же приходится почти вдавить себя в спинку кресла, чтобы между нами появилось хоть немного свободного пространства. — Ты же столько лет работаешь врачом, должна понимать, что иногда лучше просто отпустить человека с миром.

Сердце болезненно сжимается.

Я понимаю. Прекрасно понимаю, что Артур Николаевич все правильно говорит. Но… всегда есть «но».

Опускаю плечи.

— Вижу, ты поняла, — спокойно произносит мужчина. — А теперь расскажи, что с тобой происходит? Почему за тобой ходит этот громила? — указывает подбородком на дверь.

Мне сразу же становится не по себе. Понятия не имею, что сказать заведующему.

«Муж теперь контролирует каждый мой шаг?»

Как в таком признаться?

Хотя… а почему бы и нет? Может, Артур Николаевич поможет мне разобраться с тем, как действовать дальше?

Вот только озвучить свою мысль не успеваю, как дверь в кабинет заведующего без стука распахивается.

— Я тебя предупреждал, чтобы ты звонила мне каждый час?! — яростный рык Марата раздается сзади.

Глава 20

Если, когда Артур Николаевич прервал наш спор с Дариной в коридоре, мою кожу всего лишь мурашки покрыли, то сейчас внутри меня все леденеет. Мышцы напрягаются до такой степени, что начинают ныть. Нервные окончания зудят. Дышать совсем не получается.

«Что он здесь делает?» — мысль, которая словно на повторе звучит у меня в голове.

— Какого хрена здесь происходит?! — рык Марата становится громче, кажется более… зловещим, яростным.

Не понимаю, в чем дело, пока не заглядываю в темно-серые глаза Артура Николаевича. Заведующий находится близко ко мне… слишком близко. Только сейчас осознаю, как наша поза может выглядеть со стороны.

Жар приливает к моим щекам. Но уже в следующую секунду я себя одергиваю. Плевать, что там себе напридумывал Марат. После его похождений к Дарине, он не имеет права мне что-то предъявлять.

— Этот вопрос должен задавать я, — спустя несколько долгих секунд Артур Николаевич выпрямляется и вперивает нечитаемый взгляд в сторону двери. — Вас не учили стучать?

От обоих мужчин исходит настолько сильная энергетика, что я чувствую, будто нахожусь между двух огней. Волоски

на руках встают дыбом, сердцебиение учащается.

Затылком ощущаю ярость мужа. В голове начинает гудеть, в ушах шумит. Не сомневаюсь, Марат находится на грани. Один лишний звук… одно лишнее движение, и он сорвется. Я знаю своего мужа, он может быть очень импульсивным. Ни раз замечала, что Марат вспыхивает как спичка, сначала делает, а потом думает. Поэтому, если мужчины схлестнутся, их противостояние ничем хорошим не закончится.

Жаль, что Артур Николаевич этого не понимает. Он небрежно засовывает руки в карманы медицинских брюк, отодвигая полы халата в стороны и смотрит на моего мужа с вызовом.

— Насколько я помню, Марат, верно? — вздергивает бровь заведующий, словно хочет выказать еще большее пренебрежение. — Так, что вас привело ко мне в кабинет, да еще и без стука?

Я настолько напряжена, что мышцы начинают ныть. Вдобавок, возвращается боль, исходящая из не до конца зажевших ран. Нужно как-то разрядить обстановку, но мне ничего путного не успевает прийти в голову, как сзади раздается:

— Я пришел за своей женой! — каждое слово Марат будто бы чеканит.

— Тогда вы можете подождать в коридоре. Мы с Ульяной закончим разговор, после чего она сама к вам выйдет, — не уступает ему Артур Николаевич.

Я же прикрываю глаза. И не зря, потому что уже через мгновение улавливаю тяжелые шаги.

— Ваш разговор окончен! — отрезает муж, явно, останавливаясь за моей спиной.

Не просто же так холодный пот выступает на позвоночнике.

— Это не вам решать! — Артур Николаевич, похоже, начинает злиться, поэтому цедит сквозь стиснутые зубы.

— Вам что ли? — хмыкает муж, берясь за ручки на спинке моей коляски.

Вздрагиваю, когда чувствую мимолетное прикосновение к плечам. Распахиваю веки.

— Нет, — заведующий еще какое-то время прожигает моего мужа прищуренным взглядом, после чего переводит его ко мне. — Ульяна, ты хочешь пойти со своим… мужем?

Не уверена, о чем именно думает Артур Николаевич, но почему-то кажется, что если я сейчас отвечу отрицательно, он сделает все, лишь бы не дать Марату меня увезти. Вот только я знаю своего мужа. Если Артур Николаевич перейдет Марату дорогу, заведующему мало не покажется. Муж может быть очень изобретательным, когда дело касается становления на место его врагов, которых за годы ведения бракоразводных процессов набралось немало. А если Артур Николаевич станет одним из них… Даже боюсь представить, что его ждет.

Тишина, которая воцарилась в кабинете заведующего,

звенит в ушах. Биение сердца отдается пульсацией не только в висках, но и в кончиках пальцев. Дыхание, как сбилось со своего ритма, так и не хочет восстанавливаться.

— Я поеду с мужем, — произношу едва слышно, хотя эти слова мне претят. Артур Николаевич сводит брови к переносице. Явно, хочет сказать что-то вроде: «Ты уверена?», но я его опережаю. — Все хорошо, — выдавливаю из себя улыбку, но она, скорее всего, застывший оскал напоминает. Плевать. — Только я хотела бы попросить. Можете держать меня в курсе состояния Лидии Степановны? — прикусываю щеку, хочу оставить для себя хоть какую-то связь с внешним миром, которую Марат не сможет у меня отнять. Да и сама женщина меня очень сильно волнует.

Артур Николаевич еще сильнее хмурится, но не проходит и пару секунд, как кивает.

Марат больше не ждет. Он резко разворачивает мою коляску в сторону открытой двери и выкатывает ее в коридор. Я даже попрощаться не успеваю.

— С вами двумя у меня будет серьезный разговор, — рявкает муж, похоже, медсестре и охраннику.

Вот только я ни на кого из них не обращаю внимания, ведь полностью сконцентрирована на самодовольной ухмылке, которая растянулась на лице Дарины. Девушка стоит, прислонившись к стене, напротив двери в заведующего и выглядит так, будто выиграла не просто битву, а целую войну.

Но не проходит и секунды, как она переводит моменталь-

но смягчившийся взгляд мне за спину.

— Марат? — едва заметная нежная улыбка касается ее губ. — Можем поговорить? — волнение отражается в глазах девушки. — Есть новости, — она прикусывает губу, красная краска трогает ее щеки.

Дарина, явно, ждет ответ моего мужа. Если честно, я тоже.

Буквально через пару секунд сзади протяжный выдох, после чего Марат удивительно спокойно произносит:

— Конечно. Но давай чуть позже. Я только отвезу жену домой, а потом мы с тобой встретимся. И да, спасибо, что позвонила.

Глава 21

— Ты решил меня окончательно уничтожить? — спрашиваю, развалившись на заднем сидении машины Марата, куда он меня совсем не нежно запихнул, после того как без спроса вытащил из больницы.

Хотя странно, что нам вообще оттуда удалось выбраться, учитывая, что Дарина преградила нам путь, стоило Марату предложить перенести их разговор на другое время.

— Это важно! — истерично заявляет Дарина, надув губки. Странно, что еще ножкой не топает, а то получился бы отличный образ капризной девочки-подростка, хотелки которой папочка исполняет по щелчку пальца.

— Ты не видишь? — все спокойствие пропадает из голоса мужа. — Я занят, — цедит Марат.

У меня же брови ползут на лоб от такой перемены настроения. Всего секунду назад муж чуть ли не ласково разговаривал со своей любовницей, а сейчас, кажется, готов разорвать ее на куски.

Дарина тоже выглядит… удивленной, судя по открывшемуся рту. Наверное, поэтому не препятствует тому, чтобы мы объехали ее.

С тех пор прошло около часа.

Я же все больше и больше закипаю, прокручивая в голове события с момента измены мужа до сегодняшнего дня. По-

этому мой план: игнорировать Марата всю дорогу, летит коту под хвост. Хорошо, что в машине, кроме нас двоих, никого нет — медсестра и охранник едут следом, — поэтому мне не стыдно за свой срыв.

Смотрю на Марата в зеркало заднего вида и жду ответ на свой вопрос. Но муж, явно, не собирается мне его давать. И без того жесткое выражение лица Марата становится едва ли не звериным. Костяшки пальцев, сжимающие руль, белеют. Плечи напрягаются.

Муж в ярости, здравой частью мозга я это отлично понимаю, но сейчас мне на все плевать. Плевать на то, что Марат за рулем. На то, что лучше его в таком состоянии не злить еще больше. На то, что он может быть очень вспыльчивым.

— Марат! Я с тобой разговариваю! — пытаюсь подняться на кресле, но тут же морщусь.

Я стараюсь принимать как можно меньше обезболивающего, чтобы не выработалось привыкание. И кажется, действие лекарства, которое мне вкололи перед выходом, сходит на нет.

— Уля, не сейчас! — рычащие нотки, пропитавшие слова мужа, совсем не пугают.

— Да что с тобой происходит?! — повышаю голос. — Я тебя совсем не узнаю! Ты мне изменяешь, запираешь меня загородом, приставляешь охрану. Вдобавок, унижаешь перед коллегами! Марат, как все это понимать? Если ты меня разлюбил, ну развелся бы со мной и дело с концом! За-

чем издеваться? — обиды, которые накопились во мне за все время измывательств мужа, вырываются наружу вместе со словами.

Слезы подкатывают к глазам, но я не позволяю им пролиться. Взгляда от зеркала заднего вида не отвожу. Зато Марат смотрит только на дорогу и, похоже, не собирается отвечать ни на один мой вопрос. Лишь вдавливает педаль газа в пол, из-за чего желудок делает кульбит, а я вмиг похолодевшими пальцами вцепляюсь в дверную ручку.

Не проходит много времени, прежде чем страх пронзает каждую клеточку тела, заставляет меня заледенеть изнутри. Перед глазами встает злосчастное дерево. Во рту пересыхает. В ушах шумит. А дерево все приближается и приближается. Еще немного и…

— Марат, — сиплю. Бесполезно. Муж либо не слышит меня, либо попросту игнорирует. — Марат! — почти кричу, хватаюсь обеими руками за кресло мужа. Боли из-за резкого движения совсем не чувствую. — Марат, снизь скорость! — паника захватывает с головой… машина вот-вот встретится с деревом.

Миг, и я слышу визг тормозов.

Меня бросает вперед. Если бы я не держалась за кресло мужа, то точно вписалась бы в него головой, а так лишь запястья начинают ныть из-за того, что они взяли на себя всю силу удара. Только сейчас понимаю, что слезы во всю текут по щекам. Меня трясет. Жутко холодно.

Страх постепенно начинает отпускать.

Уши заложило. В голове каша. Поэтому не сразу понимаю, что мы находимся у нашего дома. Лишь пару раз моргнув, получается прочистить взор и краем глаза уловить пейзаж за окном.

— Уля, прекращай себя вести, как избалованная маленькая девочка, которой, по ее мнению, уделяют слишком мало внимания, — голос Марата кое-как пробивается сквозь вату в ушах. Перевожу все еще немного затуманенный взгляд в зеркало заднего вида. Сразу замечаю холодные, почти черные глаза мужа, которые направлены прямо на меня. — Ты меня знаешь, я ничего не делаю просто так. Если, по-твоему, я слишком жесток с тобой, то прости. Но я пытаюсь тебя защитить от всего того дерьма, которое сейчас происходит вокруг. Все, о чем тебе нужно беспокоиться — о своем выздоровлении. Остальное я возьму на себя, — Марат так пристально смотрит на меня, будто хочет что-то донести. Но я не понимаю. И если честно, не хочу понимать.

Мне так больно, что дышать толком не могу, не то, что нормально соображать.

— Смотрю, Дарину ты уже много раз взял на себя, — язвительно хмыкаю. Кое-как отдираю пальцы от кресла, двумя резкими движениями вытираю влагу со щек. — Отпусти меня уже наконец. Ты тоже знаешь меня. Как только я встану на ноги, уйду от тебя. Так что нет смысла меня держать взаперти. Все равно не удержишь, — последние слова даются

с трудом.

Особенно, когда я замечаю, что черты лица мужа во время моей тирады еще сильнее заостряются.

Марат всего мгновение пронзительно смотрит на меня, а в следующее — рявкает:

— Это мы еще посмотрим, — сразу же выходит из машины.

Не получается сориентироваться, как муж открывает мою дверцу и вытаскивает меня из машины. После чего, как и в прошлый раз, на руках тащит к входу в дом. Медсестра едва успевает обогнать нас и распахнуть перед нами дверь, как сзади раздается шорох шин. Марат застывает, так и не переступив порог. Секунду стоит, не двигаясь, прежде чем развернуться вместе со мной.

Рядом с машиной мужа паркуется мерседес новой модели, а уже через мгновение из него выходит мужчина с тронутыми сединой темными волосами, одетый в серый идеально сидящий на нем костюм, и слишком резво поднимается по лестнице к нам. У меня в голове проскальзывает мысль, что кого-кого, а его я точно не ожидала увидеть. А когда мужчина останавливается напротив нас и вперивает надменный взгляд в Марата, я вовсе теряю дар речи.

— Ну здравствуй… сын, — даже не пытается скрыть пренебрежение в голосе мой свекор.

Глава 22

— Что ты здесь забыл? — цедит Марат после секундного замешательства.

Муж напрягается до предела. Если бы я не находилась у него на руках, то не почувствовала бы, как быстро мышцы Марата налились «сталью». Такое чувство, что муж постепенно превращается в статую, глядя на своего отца.

— Пришел… пообщаться, — хмыкает Сергей Викторович, проходится по сыну пренебрежительным взглядом, задерживается на мне и… подмигивает. — Предлагаю сделать это в доме, — свекор резко вздергивает голову и разворачивается.

Муж едва не скрипит зубами, когда видит, что его отец без приглашения пересекает порог нашего дома и направляется дальше по коридору. Марат еще мгновение стоит на месте, глядя в спину отца, который сворачивает в гостиную, где никогда не был, после чего шумно выдыхает и срывается с места. Мне приходится зацепиться за шею мужа, чтобы не свалиться на пол. Хотя Марат вроде бы держит меня крепко, но несется, как сумасшедший.

Мы всего за пару секунд оказываемся в просторной гостиной, визуально разделенной на две части. С одной стороны находится столовая зона с большим круглым столом, за который задвинуто шесть деревянных стульев, и книжным

шкафом, занимающим почти всю дальнюю стену. С другой — гостиная зона с панорамным окном, кожаным бежевым диваном и из той же коллекции креслами, стоящими вокруг деревянного журнального столика. На противоположной от них стене установлена деревянная панель с полками для разного рода мелочей и нишей под телевизор.

Свекор устроился на одном из кресел спиной к окну и смотрит прямо на нас. Сергей Викторович, явно, чувствует себя как дома, с учетом того, что он буквально растекся по сидушке, прислонился спиной к спинке кресла и закинул щиколотку одной ноги на колено другой.

— И о чем же ты хочешь пообщаться? — Марат подносит меня к дивану, сажает на него, после чего выпрямляется и разворачивается к отцу.

Не проходит и секунды, как Марат делает шаг в сторону. Похоже, пытается загородить меня собой. Вот только мне не нужна его защита. Тем более, я тоже хочу знать, зачем явился свекор, поэтому передвигаюсь чуть ближе к подлокотнику. Плечо Марата все равно заслоняет обзор, но это не мешает мне увидеть мужчину, который почти полная копия моего мужа, только старше. Марат смотрит на отца сверху вниз, но тот явно не чувствует себя в проигрышном положении, если судить по расслабленной позе и тому, что один уголок его губ находится выше другого.

— Почему ты препятствуешь следствию? — чеканит свекор строго, с долей ехидства, глядя на своего сына.

Стоит мне услышать его вопрос, внутри все переворачивается.

Марат же расправляет плечи.

— Во-первых, я не препятствую, всего лишь требую предоставить законные основания, по которым следственные органы имеют права вмешиваться в дела моей компании, — в голосе мужа звенит напряжение. — А во-вторых, это тебе твой прихвостень, Коленька, нажаловался?

Хмурюсь. Коленька? Какое знакомое имя… Стоп. Как там звали следователя? Муров Николай… как-то там. Так вот почему Марат относился к мужчине, который находился при исполнении, настолько пренебрежительно?

— Николай Григорьевич просто сообщил мне, что ты не идешь навстречу в деле, которое ведется в отношении аварии твоей жены, — Сергей Викторович бросает на меня короткий взгляд. После чего самодовольно ухмыляется и снова сосредотачивается на лице сына. — Даже имя своей любовницы не сообщаешь, — хмыкает свекор.

Он явно упивается властью. Но мне все равно. У меня же внутри все в тугой узел скручивается. Становится настолько больно, что даже вздохнуть не получается. Марат так сильно защищает свою Дарину, что даже имя ее никому говорить не хочет? А на меня и на то, что я попала в аварию ему плевать?

С силой кусаю щеку и моментально чувствую металлический привкус на языке. Прикрываю глаза. Не думала, что мне может стать еще хуже.

— Я сказал твоему Коленьке, — выплевывает муж имя следователя, — что сообщу всю необходимую информацию, когда он вызовет меня на допрос. А этого до сих пор не произошло, — пожимает плечами Марат. — Не очень он расторопный следователь, — каждое слово мужа наполнено гневом.

Сергей Викторович сужает глаза, отталкивается от спинки кресла, выпрямляет спину, но взгляда от сына не отводит.

— И по какой причине, скажи на милость, ты не можешь все рассказать, например, по телефону? — выгибает бровь.

Я же, кажется, не дышу. Боюсь сделать вдох. Боюсь пошевелиться. Боюсь, что станет еще больнее.

— Еще раз повторяю, — цедит муж. — Всю необходимую информацию я сообщу следователю, но при официальном допросе, так как это может навредить моей клиентке.

Брови свекра ползут вверх.

Я же шумно выдыхаю.

Осознание обухом бьет по голове.

Марат — адвокат по бракоразводным процессам. Следовательно… Дарина замужем. Муж изменил мне не просто с какой-то девушкой, а с замужней женщиной. Эти двое разрушили не одну семью, а целых две.

Можно ли пасть ниже?

Трель телефона разрывает тишину, воцарившуюся в гостиной. Я вздрагиваю и ощущаю, что меня трясет. Слезы застилают взор, но я не позволяю им пролиться. Сергей Вик-

торович словно чувствует мое ужасное состояние, переводит на меня прищуренный взгляд. Изучает мое лицо, останавливается на полузаживших ранах, а через мгновение кривится и хмыкает, явно, сделав какой-то вывод. Марат же достает телефон из кармана брюк, не глядя, отклоняет вызов. Зажимает гаджет в руке, опускает экраном ко мне.

— Ты еще что-то хотел сказать? Или уже покинешь мой дом? — рычащие нотки прослеживаются в его голосе.

Я же почти не слышу слов мужа, ведь концентрируюсь на его телефоне, а точнее, на экране, который «загорается».

Мне приходится пару раз моргнуть, чтобы прочистить взор, прежде чем я вижу уведомление о сообщении, которое пришло Марату. Наклоняясь немного вперед.

Сначала замечаю имя «Дарина», а уже мгновение читаю перевернутое вверх тормашками сообщение:

«Я беременна».

Мой мир в очередной раз разбивается на осколки.

Глава 23

Не могу отвести взгляда от экрана телефона мужа. Такое чувство, что меня приковало к нему. Белые буквы на черном фоне не отпускают, хоть и размываются. Сердце пропускает удар за ударом. Боль пронзает каждую клеточку тела.

Вот как так?

Кто-то годами не может забеременеть, хоть и старается изо всех сил, а кому-то нужно только с чужим мужем переспать. И все, дело сделано.

А если Дарина беременна не от Марата? Да нет, бред какой-то! Зачем в таком случае она так настойчиво желала сообщить о своем положении моему мужу?

Все внутри сводит. Я словно в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.